

INSPIRIA

КНИГА
О БЕСЦЕННОЙ
СУБСТАНЦИИ

18+

САРА ГРЭН

INSPIRIA

Ток. Мистик-триллер

Сара Грэн

Книга о бесценной субстанции

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Грэн С.

Книга о бесценной субстанции / С. Грэн — «Эксмо»,
2021 — (Ток. Мистик-триллер)

ISBN 978-5-04-177719-7

Захватывающий эротический триллер о том, на что мы готовы пойти, чтобы получить то, что нам нужно... и то, чего мы хотим. После трагедии, перевернувшей всю ее жизнь, бывшая писательница Лили Альбрехт смирилась с унылым, бесцветным существованием торговки редкими книгами. Пока не получила предложение отыскать книгу, способную всё исправить... «Книга о бесценной субстанции» – руководство по сексуальной магии XVII века, обещающее неограниченную власть и непревзойденное сексуальное наслаждение. Если верить слухам, это самая мощная оккультная книга в мире, и некоторые из богачей готовы заплатить целое состояние чтобы завладеть ею... Если только это не просто старинная легенда. Но сможет ли Лили исполнить собственные желания? Или потеряет все в погоне за миражом? «Слог Сары Грэн, как и разыскиваемый гримуар, ощутимо соблазнителен. Поиск удовольствия и волшебства — афродизиак, который пульсирует на страницах». — Даниэль Труссоли, автор бестселлеров и литературной колонки New York Times «Сенсационный оккультный триллер. Сочинение Грэн невероятно соблазнительно — как и у Лили Альбрехт, у читателей нет другого выбора, кроме как следовать за книгой до ее зловещего завершения». — New York Times «Книга Сары Грэн — это смесь покупательской тайны, эротики и шепотки экзистенциального ужаса. И все это великолепно». — Поль Трамбле, автор бестселлера «Хижина на краю света» «Экстравагантно, сексуально и неотразимо. Мне понравилось». — Лорен Бьюкс

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177719-7

© Грэн С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сара Грэн

Книга о бесценной субстанции

Sara Gran

The Book of the Most Precious Substance

Sara Gran «The book of the most precious substance» © 2021

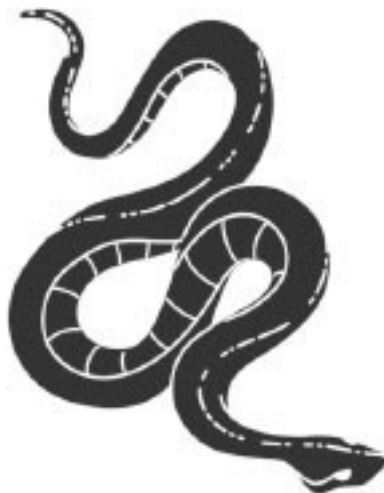

Школа перевода
В. Баканова

© Савина Е. А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

До того, как начать зарабатывать на жизнь писательством, **Сара Грэн** работала в разных местах, в основном – с книгами. В том числе продавала редкие и подержанные книги. Сейчас живет в Бруклине, штат Калифорния.

Слог Сары Грэн, как и разыскиваемый гримуар, ощути-
мо соблазнителен. Поиск удовольствия и волшебства –
афродизиак, который пульсирует на страницах.

**Даниэль Трусони,
автор бестселлеров и литературной колонки
New York Times**

В то время как охота, которую ведет Лили, продвигает
историю вперед, именно изысканная проза Грэн требует
эмоциональных вложений от аудитории.

Bookpage

Здесь действуют два типа магии. То, что пытаются сделать
персонажи, смешивая книги, секс и заклинания, и магия,
которую Сара Грэн творит с нами, пока мы читаем это.
Но есть и третье волшебство, которое мне только хоте-
лось бы сотворить: заплатить кровью, чтобы вернуться
во времени и по новой прочитать эту книгу в первый раз.

Стивен Грэм Джонс

Сенсационный оккультный триллер. Сочинение Грэн невероятно соблазнительно – как и у Лили Альбрехт, у читателей нет другого выбора, кроме как следовать за книгой до ее зловещего завершения.

New York Times

Грэн прекрасно передает эксцентричный мир антикварной книготорговли, одновременно изображая глубокую и волшебную расплату с потерей и возможность продолжения. Она превзошла саму себя.

Publisher's Weekly

Книга Сары Грэн – это смесь покупательской тайны, эротики и щепотки экзистенциального ужаса. И все это великолепно.

Поль Трамбле

Экстравагантно, сексуально и неотразимо. Мне понравилось.

Лорен Бьюкс

Глава 1

О рукописи мне рассказал Шаймен.

Мы оба участвовали в ежегодной книжной ярмарке на Манхэттене, которая проходила в спортзале муниципального колледжа на Лексингтон-авеню, неподалеку от Грамерси-парк. Большинство букинистов специализируются в определенной области: история войн, становление независимости США, первые публикации современных авторов. Но для меня главное – чтобы книга была интересной и хорошо продавалась. Остальное неважно. Люблю красивые издания в необычном переплете и с качественными иллюстрациями, повествующие о чем-нибудь увлекательном. Например, об экзотических религиях или забытых страницах истории. Еще мне нравятся книги об искусстве. Или об альтернативной культуре.

На моем столе была представлена довольно разношерстная коллекция: с десятков ничем не примечательных фолиантов девятнадцатого столетия в добротных переплетах, по пятьдесят долларов за штуку; несколько справочников той же эпохи о птицах и бабочках с оригинальными литографиями, по двести долларов; путевые заметки русского автора о поездке в Тибет в 1901 году – единственный в мире экземпляр! – за пятьсот; стопка британских детективов середины двадцатого века; неполный комплект эротических романов издательства «Олимпия Пресс» в зеленых суперобложках (к сожалению, не хватало Набокова и Миллера – жемчужин серии); пара-тройка найденных в комиссионке «мягких переплетов» о музыкантах и их фанатках; прекрасно иллюстрированная книга о ритуалах вуду на Гаити и подборка брошюр с рецептами южноамериканской кухни, опубликованных женской организацией Чарльстона в 1930–1960 годах. За редкую биографию малоизвестной шведской художницы Ханны Кляйн в роскошном исполнении я надеялась получить полторы тысячи долларов. Меньше всего, по двадцатке за штуку, стоили британские книжки в мягких переплетах.

Это было через неделю после Дня святого Валентина. Торговля шла бойко. В основном на ярмарке продавались «среднячки» – для уцененных брошюр из комиссионки или супердорогих раритетов существовали другие площадки. Вопреки нашим опасениям, слякотная погода не особо помешала продажам, хотя поток посетителей заметно снизился. Теперь мы беспокоились, что книги пострадают из-за влажности. Букинисты не отличаются оптимизмом.

И тут у моего стола нарисовался Шаймен.

– Привет, Лили! Я тебя искал.

– Привет! Как дела? Продал что-нибудь сегодня?

Шаймен – типичный книжный червь: небритый мужчина за пятьдесят в несуразной одежде не по размеру, с унылым выражением лица и залысинами на лбу. Думаю, он был бы рад не вставать с дивана до конца своих дней. Неясная тоска в глазах и меланхоличный смех – верные признаки библиофила, предпочитающего книги человеческому обществу. Причем зачастую не по своей вине. Многие из нас оказались в книжном бизнесе из-за разбитого сердца или разочарования в жизни. Книжки, животные и пыльные библиотеки куда лучше людей – они никогда не предадут...

Порой в его лице проглядывали черты прежнего Шаймена: привлекательного эрудированного ученого с красавицей-женой и блестящими карьерными перспективами. Увы, после серии безуспешных попыток защитить диссертацию он лишился стипендии, а затем и работы. Жизнь пошла прахом. Все, что осталось, – обширная коллекция книг по военной тематике, которые подорожали втрое с момента его поступления в аспирантуру. Так несостоявшийся доктор философии попал в мир букинистики. У него отлично получалось продавать книги о войне. Больше его ничего не интересовало. Шаймен жил в маленькой квартире где-то на задворках Лонг-Айленда.

– По нулям. – Он махнул рукой. – Да и черт с ним. Слушай, тебе не встречалась книга под названием «*Pretiosus Materia*»? Или что-то вроде того.

Похоже на итальянский. Правда, произношение хромает.

– «*La Pretiosus Materia*»? – поправила я, хотя итальянским не владела. Моих скромных познаний во французском и испанском хватило, чтобы примерно перевести название как «Бесценная материя».

– Это латынь, – уточнил Шаймен. – Не итальянский. «Бесценная субстанция». Понятия не имею, о чем она. Может, тебе подалось что-нибудь подобное?

– Вряд ли.

– В общем, если найдешь – у меня есть покупатель, готовый отвалить за нее шестизначную сумму.

– Шестизначную?

– Как минимум. Полагаю, при необходимости он сможет повысить ставку до семи знаков. Ему позарез нужна эта книга. Конечно, если найдешь, то...

– Прибыль – пополам.

– Дам тебе двадцать процентов, – продолжал Шаймен, словно не слыша. – Так будет честно.

– Пятьдесят процентов.

– Двадцать.

– Пятьдесят.

– Двадцать пять.

– Пятьдесят.

– Двадцать пять.

– Ну ладно, – сказала я. – Тридцать пять.

– Давай сделаем поинтереснее. Тридцать три процента. Если найдешь книгу, я куплю ее для своего клиента. Ты получишь тридцать три процента от прибыли. При условии, что прибыль будет.

– Идет!

Мне нужны были деньги, и мы ударили по рукам.

Я приступила к поискам в тот же вечер.

Глава 2

Сначала я честно отработала до закрытия ярмарки. Комплект «Олимпии Пресс» купил мужчина примерно моих лет – слегка за сорок, – державший в руках стопку потрепанных книг, каждая из которых стоила не меньше тысячи. Справочники по бабочкам достались женщине с татуировкой в виде маленького сердечка на щеке. Мы немного поболтали о редких иллюстрированных изданиях – покупательница оказалась энтомологом и коллекционировала книги о насекомых.

Затем подошел Лукас Марксон – постоянный клиент, ставший со временем добрым приятелем, пожалуй, даже другом. Лукас заведовал секцией редких книг в огромной университетской библиотеке и располагал приличным бюджетом на пополнение фонда. За пять лет знакомства я так и не смогла разгадать его личность. Он был всегда при деньгах и отлично выглядел – редкость в среде букинистов. Высокий, харизматичный, приятной наружности. На красивом лице выделялся довольно крупный нос, добавлявший образу внушительности. Лукас умел хорошо одеваться: сшитые на заказ рубашки, приталенные пиджаки, идеально сидящие синие джинсы. Лишь одна черта выдавала в нем «книжного человека»: странная робость, из-за которой он порой избегал смотреть в глаза собеседнику или, наоборот, неожиданно впивался в него взглядом. Во всем остальном Лукас Марксон ничем не отличался от обычных людей.

Его отец – богатый финансист – никогда не любил ни сына, ни жену; по мнению Лукаса, недостаток любви в итоге преждевременно свел обоих родителей в могилу. Он считал себя коренным ньюйоркцем, хотя вообще-то был родом из округа Уэстчестер. Однако, поступив в колледж, переехал в Нью-Йорк и осел здесь.

Впервые мы встретились в Бруклине на небольшом приеме в рамках выставки редких книг – и почти сразу прониклись взаимной симпатией, хотя нас абсолютно ничто не связывало. Кроме книг. С ним было легко и приятно: благодаря неизменному дружелюбию ему удавалось моментально создавать вокруг себя уютную и искреннюю атмосферу. Мне нравились его потрясающее чувство юмора и быстрота реакции. Не обладая сверхмощным интеллектом, Лукас был тем не менее очень умен. Мы считали друг друга равными и всегда радовались возможности пообщаться.

Время от времени он звонил, когда искал определенную книгу для библиотеки, а я частенько предлагала что-нибудь интересное для его коллекции. У нас всегда находились общие темы для разговора: альтернативная культура, библиография и книги о книгах. Если он оказывался неподалеку от моего городка на севере штата, то обычно заезжал в гости, чтобы купить пару-тройку вещей. В последнее время наш регион стал популярным у туристов – Лукас регулярно бывал там летом, а в зимнее время любил посещать местные горнолыжные базы.

Лет пять назад я поселилась в маленьком городке Викторианской эпохи в нескольких милях к востоку от Гудзона и примерно в сотне миль от Нью-Йорка. Город основали голландцы, прогнав с этой территории ирокезов¹. В моем владении находилось около полутора акров земли с небольшим домом и огромным сараем, переделанным в книгохранилище.

Раньше я жила на Манхэттене. В Бруклине. В Окленде. В Таосе, Седоне и Финиксе. Но это было давно, в прошлой жизни.

– Лили! – просиял Лукас.

Мы обнялись. От него приятно пахло свежестью и дорогим парфюмом.

– Как продажи?

– Неплохо. А ты как? Что-нибудь купил?

¹ Ирокезы – группа индейских племен, проживавших в США и Канаде.

Он купил целую кучу всего: коллекцию писем Дорис Лессинг² к редактору, редкую книгу о визите первого европейца в Папуа – Новую Гвинею и перечень иллюминированных рукописей³ из Португалии.

– Ты когда-нибудь слышал о книге под названием «Бесценная субстанция»?

– Нет, – озадаченно ответил Лукас. – Бесценная что?..

– Субстанция.

– Что еще за субстанция?

– Понятия не имею. Но если смогу найти рукопись, мне заплатят кучу денег. Знаешь Шаймена? Он ее ищет.

– Интересно, – хмыкнул Лукас.

Какая-то женщина на другой стороне зала помахала ему в надежде привлечь внимание. Я ее знала: Дженни Джейнс, специалист по антикварным изданиям. В руке у нее была не известная мне тоненькая книжка альбомного формата. Глаза Лукаса загорелись.

– Мне пора, – заторопился он. – Хочешь, помогу тебе с поисками?

– Почему бы и нет?

Дженни снова махнула.

– Поужинаем сегодня? – спросил Лукас.

– Давай.

– Отлично. Я пришлю сообщение.

Он ушел. К столу тут же придвинулся высокий худой мужчина с унылым лицом, и я вернулась к работе.

² Дорис Лессинг (1919–2013) – британско-зимбабвийская писательница.

³ Иллюминированные рукописи – рукописные средневековые книги, украшенные красочными миниатюрами и орнаментами.

Глава 3

В конце дня я упаковала книги – ночью их стерегли бдительные охранники – и направилась в Челси. Здесь, в паре кварталов от ярмарки, находилась съемная квартира, которую я арендовала на уик-энд. Неплохо бы принять душ и переодеться к ужину. Книжки – довольно грязный бизнес. На заре своего существования печатное дело и вовсе считалось темным искусством сродни колдовству.

Ходить по ресторанам я не планировала, поэтому ничего приличного из одежды не взяла. По правде говоря, в моем гардеробе и не было ничего приличного. Я надела чистые синие джинсы с джинсовой рубашкой и посмотрела в зеркало. Помнится, когда-то мне делали комплименты по поводу внешности. Стянув рубашку, я нацепила майку, в которой спала прошлой ночью. Так-то лучше. Затем накинула поношенный кардиган и накрасила губы – хотя сомневалась, что помада продержится до конца ужина. Объемная теплая куртка с вязаная шапка завершили мой наряд.

На улице было слякотно и промозгло, стылый февральский воздух казался прозрачным. Шикарный ресторан на Десятой Западной улице находился в паре шагов от гостиницы, в квартале Вест-Виллидж. Еще снаружи я заметила Лукаса за столиком у окна. Улыбающаяся официантка приняла заказ, они немного пофлиртовали.

Обстановка радовала теплом и уютом. Лукас поднялся мне навстречу и поцеловал в щеку. Поскольку за ужин платил он – или его библиотека, – я заказала стейк и хорошее вино.

– Лили, прекрасно выглядишь!

Я так не считала, однако поблагодарила за комплимент. За ужином мы поболтали о ярмарке, обменялись последними сплетнями и новостями из мира книготорговли, а затем приступили к обсуждению «Бесценной субстанции». Еще днем, в перерывах между покупателями, я пыталась искать книгу в интернете. Как ни странно, практически ничего найти не удалось. В каком-то блоге о редких рукописях «Бесценная субстанция» упоминалась в списке произведений, считавшихся вымышленными. На «Реддите» я наткнулась на ветку с обсуждением магических книг, способных разрушить жизнь – при этом никаких объяснений никто не давал. Оказалось, что правильное, полное название издания звучало так: «Книга о бесценной субстанции: трактат о различных жидкостях и их применении». Не густо...

На форуме оккультистов «Темная триада» мне попался пост участника, который якобы видел копию книги:

Я знаком с одним из богатейших людей планеты. Так вот он утверждает, что заработал свое состояние благодаря практикам из книги под названием «Книга о бесценной субстанции». Жаль, он не дает ее почитать. Кто-нибудь может одолжить мне свой экземпляр? Или хотя бы подсказать, где найти рукопись?

Один ответ:

Как же, разбежался. Это самая редкая из оккультных книг – за ней все охотятся! Так что нет, придунок, никто тебе ее не даст.

Странно. Как-никак, на дворе 2019 год... Обычно стоит вбить в поисковой строке гугла название любого редчайшего манускрипта, и уже через пару минут можешь скачивать его на телефон. Но с этой рукописью явно что-то не так.

– Вряд ли Шаймену что-нибудь известно о книге.

– Похоже, о ней вообще никто не знает, – согласился Лукас.

Стало понятно, почему Шаймен обратился за помощью именно ко мне: я была единственным букинистом без специализации. Знай он наверняка, что книга принадлежит к оккультной литературе, то позвонил бы Джонатану Фрэкеру из Род-Айленда. А если б речь шла о кораблях, мог бы связаться с Соней Рабинович из Бodega-Бэй.

Но он понятия не имел, о чем книга. И здесь у меня имелось неоспоримое преимущество: я была дилетантом.

– Поспрашиваю на работе, – предложил Лукас. – Наведу справки. Кто-то же должен знать.

– Отлично. Позвони, если что-нибудь услышишь.

– Обязательно. Кстати, как там?.. Он не?..

– Так же, – ответила я поспешно. – Ну а как ты? Встречаешься с кем-нибудь?

– Да. С одной профессоршей.

Я не сомневалась, что Лукас переспит с ней несколько раз, а затем пропадет с горизонта – все его отношения развивались по одному сценарию. Когда мы познакомились, он как раз проходил через фазу «пропадания». Задолго до нашей встречи был даже женат, но из этого ничего не вышло. Поначалу мне казалось, что он быстро женится – с его-то внешностью, умом, характером и деньгами. Однако потом я поняла, что длительные отношения не по его части. По-видимому, Лукас боялся близости и избегал по-настоящему глубоких чувств. Честно говоря, это делало его еще более привлекательным в моих глазах. Подозреваю, другие женщины придерживались того же мнения. Сплошное удовольствие без лишней драмы.

– Здорово. Что она преподает?

– Математику. Какую-то заумную хрень вроде математической философии.

– Круто, – сказала я. – Наверное, она ужасно умная.

– Что правда, то правда... Ну а как там на севере? Помимо твоего...

– Как обычно. Подумываю открыть магазинчик. Туристов с каждым годом все больше.

Официант вновь наполнил наши бокалы и принес заказанные блюда. Стейк был просто идеальным: розоватый, с небольшим количеством крови внутри и с хрустящей корочкой. Я давно уже так вкусно не ела. Напряжение стало понемногу отпускать.

– Слышала о Мэй Бэрон? – спросил Лукас. – Представляешь, она нашла в комиссионке где-то в Огайо любопытный экземпляр «Великого Гэтсби».

– Ничего себе! Кто бы мог подумать!.. Как тебе стейк?

– Превосходно!

Лукас и сам неплохо готовил – за прошедшие годы он купил у меня несколько кулинарных книг. Я легко представляла его на кухне в процессе создания какого-нибудь незамысловатого итальянского шедевра: зелень с легкой горчинкой, диетический белок, сок лимона и что-то крахмалистое, обжаренное на сливочном масле. Фоном играет джаз. У барной стойки сидит женщина с бокалом вина, пробуя импровизированные мини-закуски. Идеальная подруга: от тридцати до сорока, красивая, самодостаточная, умная, с чувством юмора, располагающая деньгами и свободным временем. Одинокая. Бездетная. Желательно без семьи. Никакая романтика не выдержит столкновения с реальной жизнью: рождение, смерть, дети, старость, болезни, физическая немощь... В любом случае, не пройдет и года, как он начнет искать повод для расставания.

Пужинав, мы вышли на улицу.

– Такси? – спросил Лукас.

– Нет, спасибо. Пройдусь пешком. Ой, мы же совсем не поговорили о деле!

– Точно, – спохватился он. – Тогда давай немного провожу тебя, если не возражаешь.

– Конечно!

Мы пошли в северном направлении по Седьмой авеню. На тротуаре тут и там виднелись пятна грязного подтаявшего снега; морозный воздух пробирал насквозь. Типичная нью-йоркская зима. Шагая рядом, Лукас несколько раз задел меня рукой – не то намеренно, не то слу-

чайно. Легкий флирт всегда присутствовал в наших отношениях. Полагаю, он вел себя так со всеми. Вполне оправданная тактика. Почему бы не использовать каждый шанс – вдруг повезет кого-нибудь закадрить...

Когда мы познакомились, Лукас сказал, что прочел все мои произведения: один роман, шесть рассказов и восемь эссе. Было приятно вновь почувствовать себя ценной и значимой. Позже выяснилось, что он в принципе поразительно много читал – не стоило преждевременно включать его в круг фанатов. Но в тот момент мне очень польстило искреннее восхищение нового знакомого. Он казался таким необычным, ярким, веселым... Затем к нему подошла подруга – интересная умная женщина, работавшая в какой-то галерее; приобняв его, она представилась с безупречным дружелюбием и шармом. Невозможно было не проникнуться к ней симпатией! Потом я узнала, что ни одна женщина не задерживалась в жизни Лукаса больше года. Вскоре мне расхотелось обсуждать с ним канувшую в Лету писательскую карьеру. С тех пор мы эту тему не затрагивали, довольствуясь беседами о редких книгах и обменом сплетнями из мира книготорговли. Нас обоих такой расклад вполне устраивал. Скажи мне кто тогда, что я больше ничего не напишу, – ни за что бы не поверила. Однако пять лет спустя в моей жизни все оставалось по-прежнему.

Даже если его прикосновения и были случайными, на меня они мгновенно действовали, пробудив желание и острую печаль. Я немного отстранилась, прогнав непрощенные чувства.

– Университет планирует расширять коллекцию, – заговорил Лукас. – В ближайшее время я буду скупать любые книги о книгах. А еще один из студентов посетовал, что в библиотеке крайне мало литературы о путешествиях.

– О каких именно путешествиях?

– О первых. Самых ранних.

Он имел в виду описания первых посещений какой-либо страны жителем другого государства: путешествие первого американца в Нигерию, первого нигерийца во Францию и так далее.

– Отлично, – обрадовалась я. – Загляни завтра ко мне в начале работы ярмарки. Отложу для тебя пару вещиц.

Потом мы немного поболтали о его жизненных планах и мечтах. На углу квартала Лукас поблагодарил меня, пожелал спокойной ночи и поцеловал в щеку. Выражение его лица было мягким, теплым и понимающим. На долю секунды мне показалось, что он медлит, словно хочет задержаться подольше. Я списала это на застенчивость.

– До завтра! – весело сказала я и поспешила уйти, прежде чем еще какие-нибудь чувства не накрыли меня с головой.

Однокомнатная съемная квартира была очаровательно захлавленной и уютной, с кучей мягких пледов, диванных подушек и настенных украшений из Азии и Центральной Америки. Налив бокал хорошего вина, которое наверняка не предназначалось для арендаторов, я переоделась в футболку и пижамные штаны и забралась в постель, чтобы посмотреть на ноутбуке детективный сериал о секс-преступлениях.

Но сначала позвонила домой. Трубку взял Аве – он работал у нас сиделкой.

– Привет, Лили! – Аве был нигерийцем и говорил с небольшим акцентом.

– Как он?

– Так же. Все спокойно.

– Тебе точно ничего не нужно?

– Выпись хорошенько. О нас не беспокойся.

Закончив разговор, я посмотрела сериал и выпила еще вина. Обычно это сочетание действовало лучше любого снотворного, но в ту ночь я никак не могла заснуть. Все думала о днях, которые получу за книгу (если, конечно, удастся ее найти), представляя длинную вереницу

нулей на дисплее банкомата. Можно будет оплатить все счета. Повысить Аве зарплату. Купить что-нибудь себе – например, дорогой крем в парфюмерном магазине, а не дешевый в аптеке. Или удобное кресло для чтения в гостиную...

Я никогда не работала с другими дилерами, не гонялась за редкими изданиями. Никогда не считала деньги, пока они не оказывались у меня в руках. Моя жизнь была крайне практичной, однообразной и душной.

Похоже, книга уже тогда завладела мной, подчинив своей воле.

Глава 4

Рано утром я приехала на ярмарку и начала раскладывать книги. Тут подошел Джереми Гудман – один из знакомых букинистов – и спросил, не слышала ли я о Шаймене. У меня мелькнула мысль, что книгу нашли без меня. Никто никогда не говорил о Шаймене.

– Нет, – насторожилась я. – А в чем дело?

– На него напали вчера вечером. – В своих бежевых брюках, розовой рубашке и с намекающей на макушке лысиной Джереми походил на стареющего представителя золотой молодежи.

– Как он?

– Умер. Его убили. Аккурат возле бывшего штаба «Синоптиков» – дом номер восемнадцать по Одиннадцатой Западной улице. – Гудман специализировался на истории Нью-Йорка и знал город как свои пять пальцев.

– Господи, какой ужас!..

Лицо Джереми опухло от слез. Я не плакала. И не чувствовала себя раздавленной – просто несчастной. Мне было жаль беднягу, хотя мы и общались всего раз десять. Событие, конечно, печальное, но страдать от отсутствия Шаймена в своей жизни я точно не стану.

– Его сестра заберет книги, – Джереми вытер глаза. – Говорят, она собирается продать всю коллекцию целиком. Если хочешь купить, предлагай цену. – Он вытащил из кармана платок и высморкался.

– Спасибо, подумаю. Хотя вряд ли там есть что-то по моей части.

– Ладно. Береги себя. Нам всем сейчас нелегко.

Через час к моему столу подошел Лукас. Ему уже рассказали. Мы обменялись приветствиями и дежурными фразами о том, как это все ужасно. Последовало неловкое молчание.

– Гудман уже готов выкупить нераспроданные книги Шаймена, – сказала я наконец.

– Ничего святого, – пробормотал Лукас.

Мы опять помолчали. Затем он отвел глаза и спросил:

– У Шаймена вроде работала помощница?

– Да, иногда он нанимал одну девушку. Но она занималась финансами. Вела бухгалтерию. Вряд ли ей было известно про его книжные дела.

– Тем не менее хоть какая-то зацепка...

– А это мысль! Вдруг она что-то знает?

– Не исключено, – согласился Лукас и отправился пополнять библиотечную коллекцию.

Ну а я вернулась к работе. Продала за двести долларов отличную книгу о кораблях знакомому коллекционеру по имени Эл. У него была потрепанная одежда, нечесаные лохмы и огромные очки с заляпанными стеклами. А еще он вечно таскал в кармане мятых нестиранных штанов полный бумажник налички. Тысяч десять, не меньше. Коллекционеры в сфере транспорта вообще странные ребята.

В обед опять подошел Лукас с четырьмя порциями куриных тако – две мне, две ему. Стоящий через дорогу фургончик с тако пользовался популярностью у завсегдаев нью-йоркской ярмарки: все букинисты покупали там обед, а порой и завтрак с ужином. Большинство из нас жили в дешевых съемных квартирах и экономили на еде – иначе вся прибыль от продаж уходила бы на пропитание.

Погода не располагала к прогулкам, так что мы решили поесть в вестибюле колледжа. В это время там толклись десятки студентов и стоял ужасный гвалт.

– А знаешь, – сказал Лукас, когда от тако почти ничего не осталось, – мы можем сами попробовать ее найти. Ту рукопись. Даже без Шаймена.

Разумеется, я тоже об этом думала. Все-таки шесть нулей! А то и семь. Миллион долларов – это вам не шутки.

– В таком случае нужно найти заказчика. Ну и книгу, само собой.

– Верно. По-моему, у нас есть все шансы.

Я еще раз представила сумму. Миллион долларов! И увлекательная авантюра в придачу.

Когда-то у меня была насыщенная жизнь: веселые приключения, вечеринки, приятные сюрпризы. Деньги текли рекой. Сами по себе они не представляли никакой ценности, однако открывали доступ к неограниченным возможностям. За деньги можно купить не только вещи, но и время: на путешествия, написание книг, чтение, прогулки, секс...

Но все это осталось в прошлом. Теперь я ощущала острую нехватку того, что так необходимо для счастья: времени, денег, секса и даже книг. В моем доме хранились тысячи книг. Ни одну из них мне не хотелось брать в руки. Порой я стояла, уставившись на книжные полки, словно голодный человек перед раскрытым холодильником, и ждала какого-то знака. Увы, ни одна из книг так со мной и не «заговорила».

– Да, у нас может получиться.

Всего пять слов. Пять дурацких слов, которые я лягнула, поддавшись минутному порыву, совершенно не подумав ни о чем, кроме «будет весело». Впоследствии я часто вспоминала об этом моменте: яркие лампы, шум голосов, блестящий линолеум разных оттенков бежевого, Лукас, доедающий куриный тако. Он скомкал бумажную упаковку и отправил ее в урну, стоящую на приличном расстоянии. Бросок попал в цель. Мы посмотрели друг на друга и обменялись улыбками.

Что толкнуло меня на эту авантюру? Озарение, шальная мысль или холодный расчет?.. Я до сих пор не нахожу ответа. В мою серую одинокую жизнь вдруг ворвалось что-то яркое и красочное – не потому ли мне захотелось ухватиться за этот шанс? Наверное, присмотрись я внимательнее, уже тогда бы разглядела опутавшую сознание темную силу, которая и вынудила дать согласие.

Да, у нас может получиться...

Но подобные мысли посетят меня не скоро. В тот день, на ярмарке, мы с Лукасом очень воодушевились. Мы отыщем книгу! Только сперва нужно было найти покупателя.

Отыскать помощницу Шаймена не составило труда. После обеда я увидела возле его стола молодую женщину лет тридцати: она складывала книги в пластиковые ящики из-под молока. У нее были длинные густые волосы, заплетенные в косу, и дешевая одежда из «Уолмарта» – плохо сидящие джинсы, нелепая водолазка и простенькие кеды. Я подошла к ней.

– Вы работали на Шаймена?

Кивнув, она поспешила изобразить печаль на лице.

– Он умер, – голос ее звучал несколько наигранно. – Хотя вы, наверное, уже знаете?

– Знаю. Слышала. Уличное ограбление?

– Так они говорят – полиция то есть. Они сообщили его сестре. Та позвонила мне и попросила забрать вещи. Вообще-то это не входит в мои обязанности. Я не работаю с книгами. Но читать люблю. Особенно шпионские романы. Я немного помогала ему с бухгалтерией, а еще оформляла доставку и вела учет заказов. Больше никто прийти не смог, так что...

– Понятно. Как сестра, держится?

– Ну, они не были особо близки. У него есть двое взрослых детей. С ними он тоже почти не общался.

– Он хоть с кем-то общался?

Помощница Шаймена нахмурилась.

– Насколько я знаю, нет. Разве что с такими же, как он.

– В смысле?

– Ну, с книжниками. Больше ни с кем.

– Он попросил меня кое о чем незадолго до гибели – буквально вчера утром. Хотел, чтобы я помогла ему найти одну рукопись.

Девушка небрежно затолкала в ящик целую стопку книг. Мне вдруг стало грустно – Шаймен был последним, кто их касался. Все, что ему принадлежало, в одночасье стало ничейным; все, что он видел, чувствовал, знал, теперь исчезло. Развеялось как дым.

– Он попросил найти книгу, которая стоит кучу денег. И я уже приступила к поискам. Хотелось бы только связаться с покупателем, но я не знаю, кто он. Конечно, правопреемник Шаймена получит львиную долю прибыли.

– Правопреемник? – женщина усмехнулась. – Интересное словечко. «Правопреемник получит львиную долю прибыли...» Звучит солидно. Его сестра будет счастлива об этом узнать.

– Надеюсь. Может, удастся выручить приличную сумму денег. Только вот я не знаю имени...

– Кого?

– Покупателя книги. Если сможете выяснить его имя, мы могли бы... – Я хотела было сказать «исполнить последнюю волю Шаймена», но поняла, что здесь нужен другой подход. – Извлечь из этого выгоду.

– Ну... Я и правда не в курсе. Хотя, вот, возьмите...

Она бросила мне небольшой блокнот – довольно толстый, на спирали, потертый и немного грязный. Я поймала его.

– А семья не будет возражать?

– Нет, конечно! Кому он сдался? Никто даже не заметит.

Глава 5

Вернувшись к своему столу, я пролистала блокнот, но не нашла ничего интересного. На каждой странице были записи (например: «Карл в три», «второе издание», «Филадельфия»), а также даты, телефонные номера и другие пометки. С ходу не разберешься – пришлось отложить блокнот в сторону и заняться продажами.

Вечером снова подошел Лукас в сопровождении Бетти Френч, одной из моих коллег по книжному бизнесу. Он выглядел, как кот, поймавший мышь. Словно хотел похвастаться удачной охотой: смотри, мол, что я нашел! То, что надо! Разве я не молодец?

– Привет, Бетти!

– Лили, какая великолепная выкладка! Красота!

В этом вся Бетти – элегантная, утонченная, привлекательная и абсолютно пустая внутри. Добрую половину жизни преподавала историю, а в пятьдесят унаследовала коллекцию редких книг от бойфренда – она называла его «партнером» или «любовником», – умершего от рака легких. И начала продавать их, поскольку нуждалась в деньгах. Однако затем втянулась: работа оказалась подходящей, а поскольку личная трагедия разбила ей сердце, книги стали единственным объектом любви. Так Бетти вошла в книжный бизнес. А еще она была очень добра.

– Если тебе что-то понравится – только скажи.

– Мне все нравится, – великодушно похвалила она мою скромную коллекцию. – Лукас говорит, вы с Шайменом работали над чем-то вместе. Все это так ужасно... Полиция что-нибудь выяснила?

– Не думаю. Что тут выяснишь? Обычное уличное нападение. Однако я действительно искала для него одну книгу. У нас были кое-какие договоренности, хотя самое главное мы обговорить не успели – мне ничего не известно о книге.

– Вдруг я смогу помочь, – сказала она. – Мы с ним вчера обедали.

Вот так сюрприз – элегантная Бетти и недотепа Шаймен! Поистине, книги создают самые невообразимые союзы. Хотя, пожалуй, чаще этому способствует одиночество. Всех нас объединяло именно оно, превращая в книжных червей и вынуждая порой делить постель с весьма неоднозначными партнерами.

Я пробормотала что-то, изобразив вежливый интерес, и Бетти продолжила:

– Он рассказал мне о новом клиенте. Был полон энтузиазма. Спрашивал о паре книг, которые искал, – но названия мне ни о чем не говорили. Я далека от военной тематики.

– Не помнишь эти названия? Он упоминал что-то вроде «Бесценной субстанции»?

– Возможно. – Она явно хотела помочь.

– А ты знаешь, кто клиент? – спросил Лукас.

Бетти кивнула и наморщила лоб.

– Какой-то мужчина из Коннектикута. Больше Шаймен ничего о нем не говорил. Только то, что он мужчина и живет в штате Коннектикут. И еще – что у него куча денег. Вы пойдете на похороны?

– Конечно, – заверила я, понимая, что невольно втянула всех нас в некий дружеский союз. – Если получится. Может, увидимся там.

Мы обменялись парой дежурных фраз о том, как нам жаль Шаймена и каким чудесным человеком он был, а затем Бетти вернулась к своему столу. Лукас и я еще раз пролистали блокнот. Полная бессмыслица. Лукас решил взять блокнот домой, чтобы изучить повнимательнее, и я согласилась.

Шел последний день выставки. Около пяти Лукас собрался уходить.

– Значит, до скорого? – Его лукавая улыбка и блеск в глазах предвещали веселое приключение. – Мы ведь найдем эту книгу?

Все вдруг показалось таким глупым... Словно сценарий какого-то фильма. Пропавшая книга, мертвый букинист, Лукас со своими фальшивыми улыбочками, попытками скрыть неловкость и претензией на утонченность... Бред, да и только.

– Конечно, – шутливо ответила я. – Скоро увидимся.

* * *

Завершив дела, я поужинала в индийском ресторане в Ист-Виллидже – одном из немногих, что могла себе позволить. Интерьер оживляли развешанные повсюду гирлянды, мишура и искусственные цветы. Несмотря на яркие украшения, помещение выглядело пустым и одиноким. Проигнорировав две лежащие в сумке книги, я погрузилась в чтение депрессивных новостей на телефоне.

Следующий день был свободным. Я подвела финансовые итоги ярмарки и доставила несколько книг, которые обещала выслать почтой – почему бы не сделать это самой, раз уж нахожусь в Нью-Йорке? Затем отправилась по магазинам. Сначала доехала на метро до комиссии в Верхнем Ист-Сайде, где почти всегда можно найти первые издания современных классиков. Местечко не особо шикарное, но потенциально выгодное и приятное. Мне нравилось рыться на полках, беспорядочно заставленных книгами, высматривая что-нибудь достойное внимания.

Через пару часов я выудила первое издание ранних работ Луизы Пенни, два иллюстрированных медицинских справочника середины девятнадцатого века и несколько фотоальбомов – отличные двухсотдолларовые сборники работ Дианы Арбус⁴, Вивиан Майер⁵ и Хельмута Ньютона⁶.

Под завязку набив сумку трофеями, я решила зайти в небольшой книжный на Семьдесят седьмой улице. Мы с Еленой – владелицей – были давними друзьями. Мои руки покрылись мозолями и болели, так что не мешало передохнуть. Я оставила пакеты у девушки за прилавком. Большая часть ассортимента красовалась в антикварных шкафах со стеклянными дверцами, не иначе чтобы оправдать заоблачные цены. Еще бы – магазин находился в самом престижном районе одного из самых дорогих мегаполисов мира.

Вскоре из своего кабинета вышла хозяйка. Она была очень высокой – чуть ли не на голову выше многих мужчин, – но при этом ужасно сутулилась, отчего ее шея и лицо представляли в самом невыгодном свете: выпирающий подбородок, обвисшая кожа и впалая грудь. Довершали картину крупный нос, широкий лоб и слабо выраженные скулы. Тем не менее ее внешность казалась очень приятной благодаря внутреннему сиянию, какое излучают счастливые люди. Книги Елену не особо интересовали, она знала о них не больше простых обывателей, да и бизнес этот выбрала не сама: магазин вместе со зданием достался ей в наследство от родителей. На последнем этаже находилась ее квартира, на первом – магазин, в подвале – склад, а два средних этажа сдавались в аренду за тысячи и тысячи долларов. Типичная коренная жительница Нью-Йорка, которой для счастья нужны лишь годовой абонемент в Национальный исторический музей, проездной на метро и скидочная карта продуктовых супермаркетов «Гристедес».

– Какие гости! – радушно приветствовала меня Елена. – Как прошла ярмарка?

На ней было длинное, бесформенное платье из черного бархата, плотные черные колготки и серебристо-синие тяжелые ботинки – в таких только по Луне передвигаться. Однако во всем, что не касалось внешности, Елена обладала отменным вкусом. Магазин будто сошел

⁴ Диана Арбус (1923–1971) – американский фотограф.

⁵ Вивиан Майер (1926–2009) – американская фотохудожница, работавшая в жанре уличной фотографии.

⁶ Хельмут Ньютон (1920–2004) – немецкий и австралийский фотограф и фотохудожник.

со страниц викторианского романа: элегантный, уютный, с неповторимой атмосферой. Сюда могли бы захаживать Эдит Уортон⁷ и Эдгар Аллан По.

Мы обменялись последними сплетнями и новостями.

– Я слышала о Шаймене, – она вздохнула. – Жуткая трагедия. Убийцы забрали бумажник?

– Не знаю... Кстати, незадолго до смерти он попросил меня помочь с одной книгой. Настоящая мистика!

– Да? – Елена удивленно приподняла брови.

Она любила читать мистические истории: например, как в далеком семнадцатом веке инспектор Уиттенбринг и леди Уайдмаут из Нового Амстердама встретили славного парня по имени Бенджамин Франклин⁸.

– Видишь ли, я никогда раньше не слышала об этой книге. По-моему, она называется «Книга о бесценной субстанции». Что-то в этом роде.

– Хм...

– Надеюсь, мне удастся ее найти – для семьи Шаймена. Он сказал, что ему предложили за нее семизначную сумму. Или шестизначную. Но я понятия не имею, что это за книга и кто покупатель.

Почему я решила приплести родственников Шаймена?.. Они явно ничего не знали о книге и плевать на него хотели – не было никакой необходимости учитывать их интересы. Лукас наверняка думал так же. Может, дело было в самой книге? Не из-за нее ли я перестала отличать добро от зла и правду от лжи?

– Попробую помочь. Все-таки в мире не очень много людей, готовых выложить миллион баксов за книгу.

– Знаешь, что меня удивляет? Почему коллекционер обратился именно к Шаймену?

– Вероятно, больше не знал никого, кто занимался бы дорогими изданиями. А на Шаймена вышел благодаря книгам о войне, которыми тот торгует. Торговал...

– Вполне может быть.

– Я в этом не разбираюсь, но Арчи наверняка что-то известно.

Муж Елены – вышедший на пенсию профессор университета – тоже происходил из семьи коренных ньюйоркцев, сплошь интеллектуалов и писателей. Арчи уехал на пару дней в Калифорнию, чтобы приобрести редкие издания у коллекционера, владеющего виноградником в Сономе. Его бюджет на покупку значительно превышал мой. Елена пообещала поговорить с мужем и сообщить, если получится что-то выяснить.

Мы попрощались, я взяла свои пакеты и вышла на улицу. Затем проверила телефон: Лукас так и не написал. Больше меня в городе ничто не держало.

Пора было возвращаться домой.

⁷ Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница и дизайнер, лауреат Пулитцеровской премии.

⁸ В данном случае имеется в виду рандомный набор сюжета и имен с ироническим подтекстом (Инспектор Записной Шиповник и Леди Широкий Рот).

Глава 6

На обратном пути я с волнением думала обо всем произошедшем: о внимании Лукаса Марксона, о возможности неплохо заработать, о самой книге. Скорее всего, его интересовали только деньги. Но получить их почти нереально: шансы найти книгу и покупателя стремились к нулю. Рано или поздно Лукас испарится, эйфория сойдет на нет, и мне придется вернуться к прежней жизни в холодном доме на севере штата Нью-Йорк.

Дом оказался не таким уж и холодным. Аве варил суп.

– Привет, Лили! Как поездка?

– Нормально. Даже неплохо. Как он?

– Так же, – ответил Аве с улыбкой. – Он в саду, принимает солнечные ванны.

Книги я пока оставила в машине – займусь ими завтра или послезавтра. Иначе Аве предложит помощь, а мне бы не хотелось, чтобы он лишний раз напрягал больную спину. Я вышла на задний двор.

День выдался ясный и неожиданно теплый для февраля. Мой муж, Эйбел, сидел в инвалидном кресле – чистый и опрятно одетый. Аве отлично о нем заботился. Солнечные лучи падали на отрешенное, ничего не выражающее лицо.

Я придвинула стул и села рядом.

– Привет, милый.

Он не произнес ни слова – как и за последние несколько лет.

– Я вернулась из Нью-Йорка.

Выражение его лица осталось прежним.

– Неплохо заработала.

Разговаривая с ним, я представляла, что он все понимает и с живым интересом слушает рассказ о банальных, рутинных эпизодах моей жизни. Хотя кого я хотела обмануть?..

Мы познакомились в Сан-Франциско, во время промотура моей первой книги под названием «Красота». Мне уже исполнилось тридцать три, а Эйбелу – тридцать восемь. Книгу я писала с двадцати семи до двадцати девяти лет, а в тридцать один опубликовала. Была ли она хорошей? Не уверена. Но точно знаю, что выложились по полной и не смогла бы написать лучше.

Я тогда жила в Бруклине, а до этого – еще в нескольких городах. Собственного дома не имела, довольствуясь съемным жильем. Родилась я где-то на юго-западе страны. Мы часто переезжали. Всякий раз, когда отца увольняли за пьянку, родители почему-то винили в этом город и вновь паковали чемоданы: Бейкерсфилд, Тусон, Скоттсдейл, Седона, Таос... Мать находила очередную коммуну хиппи и продавала самодельную бижутерию или подрабатывала в конюшне. Она обожала лошадей. Отец занимался самой отстойной работой в городе – разделкой куриного мяса, уборкой, утилизацией медицинских отходов. Ничего другого ему не доверяли. Когда-то он был композитором и пианистом, даже проучился несколько семестров в Беркли. Но, вылетев из университета, покатился по наклонной. Вечно строил воздушные замки и был абсолютно не приспособлен к реальной жизни, зато имел непомерно раздутое эго. В итоге это привело его к алкоголизму и маниакальной депрессии. Мама училась на филологическом факультете Бостонского университета, пока ей не захотелось угробить свою жизнь на какого-нибудь идиота – тут и подвернулся мой отец. Попытки хоть что-то наладить приводили родителей в ужас, так как сил на реальные изменения у них давно не оставалось. Но к неудачам они относились с показной бравадой, до последнего делая вид, что очередной провал – лишь новая увлекательная глава. Мама умерла от сердечного приступа в тот год, когда я заканчивала «Красоту». А отец через пару месяцев упился до смерти.

Я поступила в колледж в Лос-Анджелесе, но через два года бросила учебу и отправилась путешествовать по стране с тогдашним бойфрендом. В Портленде мы расстались, я переехала в Саванну, потом в Бруклин, и за это время успела написать роман. Когда крупное издательство захотело его напечатать, это показалось сном. Я работала в кофейне на Пятой авеню в Бруклине, готовя для разных придурков латте – довольно дрянной, судя по их реакции.

В книге рассказывалось о картине одного художника и людях, которые желали завладеть ею любой ценой. Промотур начался в Нью-Йорке, причем весьма удачно. Спустя две недели, в Сан-Франциско, я поняла, что добилась успеха, о котором не смела и мечтать. Почти все рецензии были хвалебными. Продажи неуклонно росли – когда я добралась до Сан-Франциско, книга уже считалась почти бестселлером. На встречу в Нью-Йорке пришли тридцать человек. В Чикаго – семьдесят. В Сан-Франциско меня ждала толпа из более чем сотни читателей, собравшихся в книжном магазине «Сити лайтс». Пришлось организовать дополнительную встречу в «Ферри-билдинг». Книга нравилась и читателям, и критикам. Что еще более удивительно – другие писатели тоже отнеслись к ней благосклонно. Восторженные письма приходили на мой электронный адрес каждую неделю, а затем и ежедневно – среди отправителей были даже несколько авторов, произведениями которых я зачитывалась в детстве.

Мне ужасно нравилась такая жизнь – приключения, внимание, встречи с интересными людьми, деньги. Больше всего на свете я любила читать, предаваться размышлениям и сочинять истории. Душу грела мысль – ошибочная, как выяснилось впоследствии, – что благодаря любимым занятиям можно обеспечить себе достойный заработок до конца своих дней. Пережив немало дерьмовых лет, я научилась ценить хорошие, поэтому искренне радовалась и благодарилась судьбу за свалившуюся на голову удачу. Но прекрасно помнила времена, когда скидочные купоны на еду или потрепанная книга из комиссии были счастьем.

На встрече с читателями в Сан-Франциско я прочла половину первой главы и ответила на вопросы – как всегда, скучные и однотипные. Затем в течение часа раздавала автографы, после чего Софи и Марк – друзья по колледжу, которые благополучно получили дипломы и сейчас преподавали, – повели меня на обед с несколькими своими приятелями. Одним из них оказался Эйбел.

Мы встретились в итальянском ресторанчике на Коламбус-авеню. Он пришел раньше и ждал снаружи, прислонившись к стене и читая книгу «Философия секса». Я сразу подумала, что это самый красивый мужчина на свете. Выше среднего роста, с мужественным лицом – гармонию точеных, словно высеченных скульптором черт слегка нарушал лишь сломанный в двух местах нос (последствия драки и падения с мотоцикла). Большие голубые глаза, коротко стриженные густые волосы – русые летом, зимой они становились почти каштановыми. На нем была серая рубашка, черные штаны и твидовое пальто. Он стоял с таким видом, будто ему принадлежал весь мир. И чем-то напоминал Джеймса Дина или Кэри Гранта – подобных мужчин можно увидеть разве что в черно-белом кино, потому что «больше таких не делают».

Я даже не подозревала, что этот небожитель знаком с Софи и Марком. Когда он сел за наш стол, мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Прочел твою книгу, – сказал Эйбел за ужином; от его обволакивающего голоса с легкой хрипотцой внизу живота разлилось приятное тепло. – Как ни странно, мне понравилось. Талантливо.

Он был уважаемым, хотя и не особо популярным автором критических статей и работ по теории литературы, а также писал о малоизвестных людях, местах и событиях. Многие считали его гением. Позже я ознакомилась с его произведениями и согласилась с этой оценкой.

Не обращая внимания на Софи и Марка, мы весь вечер проболтали о самых интересных вещах на свете – пропавших книгах, путешествиях по Америке. Успели также обсудить мотели,

кафешки с фастфудом, мескалиновые⁹ эксперименты в Юте и сбор фруктов во Флориде. Мы оба не мыслили жизни без приключений, были готовы на любые авантюры, стремились узнавать что-то новое и воплощать свои мечты. После ужина мы напились в каком-то баре и до ночи обжимались в уголке, словно парочка подростков. Его поцелуи – нежные, требовательные, ненасытные – всякий раз заставляли меня врасплох.

В Сан-Франциско промотур заканчивался, и на следующий день я собиралась возвращаться в Нью-Йорк. Но вместо этого перебронировала билет на другой рейс и провела день с Эйбелом. Мы пробовали вьетнамскую кухню в Чайнатауне соседнего Окленда, бродили по книжным магазинам в Беркли и впервые занимались любовью. Секс был отменным. С Эйбелом я чувствовала себя удивительно комфортно, словно под теплым одеялом в холодное зимнее утро. Как дома. В ту ночь мы заснули, обнявшись, – наши тела идеально совпали, как кусочки пазла. Мне всегда нравился секс, но никогда прежде не нравилось *спать* с кем-то в одной кровати. Следующие пять лет так проходили все наши ночи.

Вскоре моя книга продвинулась к верхним строчкам списка бестселлеров, и мне предстояло отправиться в очередной тур. Ну а пока ехать было некуда и заняться нечем, я опять перенесла дату вылета и осталась с Эйбелом еще на несколько недель. Мы валялись на кровати в его квартире – занимались любовью, читали, курили. Гуляя по улицам Окленда и Сан-Франциско, часами разговаривали об искусстве и книгах. Покупали вкусную дешевую еду, приканчивали бутылку вина и шли домой, чтобы вновь наслаждаться сексом ночь напролет. Я не сомневалась тогда и продолжаю думать сейчас, что это были самые счастливые недели в моей жизни.

Мало кому удастся достичь большего, чем сумел Эйбел к тридцати восьми годам. Он опубликовал две книги: исследование о роли автомобилей в американской литературе и биографию малоизвестного аргентинского философа. Играл на гитаре в четырех группах, хотя и говорил, что абсолютно не обладает музыкальным талантом, – однако с легкостью компенсировал его нехватку страстностью исполнения и виртуозной техникой. Путешествовал по Южной Америке на мотоцикле; получил две научных степени; имел за плечами два брака; преподавал в Беркли какие-то заумные предметы (вроде культурологии и семиотики); а еще неплохо рисовал и периодически выставлялся в престижных галереях.

Эйбел вырос на севере штата Нью-Йорк. Его родители состояли в небольшом и довольно странном религиозном сообществе наподобие квакерского¹⁰. Они были хорошими людьми, хотя и немного не от мира сего. Любили человечество в целом, но вот отдельных людей – не особо. С годами сын стал видеться с ними все реже – примерно раз в несколько лет. Как и я, Эйбел не имел ни братьев, ни сестер. До знакомства со мной он успел обзавестись шестью татуировками (впоследствии к ним добавились еще шесть).

Нас обоих всю жизнь считали чудаковатыми, неудобными, излишне амбициозными, метящими слишком высоко. Мы оказались родственными душами.

Все мои друзья обожали Эйбела, а все его друзья – меня. Через пару месяцев после нашей встречи деньги потекли рекой. Я продала столько книг, что мой агент убедил издательство выплатить гонорар значительно раньше оговоренного срока. Свалившееся на голову богатство позволило мне нанять мувинговое агентство и перевезти вещи из Бруклина в Окленд, чтобы обосноваться в квартире Эйбела. Огромный лофт в стиле семидесятых – с некрашеными стенами и вечным беспорядком – был завален книгами, предметами искусства и странной мебелью. Мы занимались любовью, пока все не начинало болеть, ждали наступления утра и делали это снова.

Брали друг у друга интервью на конференции в Лондоне. А в Париже Эйбел повел меня в закрытый клуб и представил моему любимому писателю – автору мрачных экспериментальных

⁹ Мескалин – природный психоген, который вырабатывают из определенных видов кактусов, а также синтезируют.

¹⁰ Квакерство – протестантское христианское движение, возникшее в Англии и Уэльсе в середине XVII в.

романов по имени Люсьен Рош, с которым мы проболтали до самого утра. Люсьен – совершенно непостижимый и очаровательный – чем-то напоминал эльфа или проказливого бесенка. В Техасе я купила Эйбелу картину, а он мне – ковбойские сапоги. В Новом Орлеане мы арендовали машину и поехали к океану, где встретили рассвет, занимаясь любовью на мокром пляже. В Лос-Анджелесе поссорились на бульваре Сансет из-за одного моего друга, которого Эйбел терпеть не мог. И помирились на пляже Венис-Бич.

Решили обосноваться в Оклэнде. У меня были деньги. А теперь и Эйбел. Я начала писать новый роман, «Лабиринт». Он работал над своей третьей книгой – о влиянии ЦРУ на сферу развлечений в двадцатом веке. Ему так и не довелось ее закончить. Жизнь казалась до невозможности прекрасной. Мы оба ожидали, что со временем страсть угаснет, начнутся ссоры и наши отношения станут обыденными. Однако этого не случилось. Конечно, появились бытовые привычки и рутинные дела, но мы не переставали любить и удивлять друг друга. Раньше нам казалось невероятным, что любовь бывает такой пылкой, лишенной сложностей и безусловной. Мы имели всё, что нужно для счастья. И чувствовали, что можем всё: писать, рисовать, создавать произведения искусства, превращать свинец в золото. Любить вечно.

Пока однажды, через пять лет отношений, Эйбел вдруг не перепутал кофе с чаем.

Это случилось днем. Когда мы оба оказывались дома, то всегда пили кофе после обеда. У нас была итальянская кофемашинка и хороший забористый эспрессо из Норт-Бич.

Я как раз закончила интервью по телефону для одной французской радиостанции и собиралась вновь сесть за «Лабиринт». Эйбел проверял контрольные работы студентов. Затем приготовил кофе и принес мне. Напиток выглядел подозрительно светлым. Я понюхала чашку.

– Это что, чай?

Казалось бы – с кем не бывает? Но меня испугала его реакция: выражение полного ужаса на лице, которое исказило родные черты. Даже не представляю, что он тогда почувствовал. Через пару секунд его лицо стало прежним. Эйбел подошел к кофеварке и вытащил фильтр: вместо кофе внутри обнаружились чайные листья. Он недоуменно уставился на кофейную машину; в глазах его вновь мелькнул испуг. Мне сделалось не по себе.

Мы решили забыть об этом эпизоде. Эйбел снова сделал эспрессо – на этот раз правильно.

Через некоторое время он забыл выключить духовку и спалил курицу. Потом устроил в ванной потоп, залив соседей этажом ниже. Пропустил урок. Не оплатил счета. Это казалось невыносимым, нереальным! Поначалу мы продолжали делать вид, что всё в порядке. Пока в один прекрасный день Эйбел не заблудился.

Это произошло в конце весеннего семестра. Последний урок закончился в три тридцать. Обычно к четырем или пяти он уже был дома. Наша жизнь не подчинялась строгому распорядку: мы уходили и возвращались, когда хотели. Так что поначалу я не стала бить тревогу: Эйбел вполне мог зайти куда-нибудь перекусить, отправиться на прогулку или за покупками. Но вот наступило пять часов. Потом шесть. И семь.

Конечно, мы делали, что хотели. Но всегда звонили друг другу. Разговаривали. Не давали поводов для беспокойства.

Эйбел появился в восемь. Его лицо меня испугало. Снова эта отрешенность. Пустота. Только теперь к ним добавился страх.

Я не рассердилась. Я пришла в ужас. И спросила, где он пропадал.

– Поезда... – пробормотал он. – В расписании черт ногу сломит! Полная бессмыслица...

Вот тогда мне стало ясно, что это не просто плохой день. А начало новой, плохой жизни. Сердце сжалось от предчувствия беды.

Отбросив тревогу, я попыталась убедить себя, что все наладится. Все будет хорошо... Но с тех пор все становилось хуже и хуже.

Эйбел казался рассерженным. Я успокоила его и сделала вид, что разделяю негодование по поводу изменений в расписании поездов. Просто идиотизм! Совсем о людях не думают... Наконец он утихомирился и согласился поужинать. После чего сразу пошел спать.

Я еще долго не ложилась: искала в интернете хорошего невролога.

Первый специалист ничего не знал. Как и второй. «Будем наблюдать» – вот и все, что мы услышали. Третий назначил кучу анализов крови и мочи, а затем выписал курс витаминов и минералов. Они не помогли. Ухудшения происходили постепенно. Поначалу он в основном был прежним Эйбелом – блестящим, остроумным, энергичным. Однако со временем плохие дни случались все чаще и превращались в ужасные. Причем сам он не замечал, как сильно меняется.

Я сообщила его родителям. «Как жаль... Будем за него молиться». С тех пор они звонили раз в полгода, повторяя, что молятся за сына. Но никогда не предлагали приехать, или выслать денег, или хоть чем-то помочь.

Я не теряла надежды. Часто мечтала, что когда-нибудь кошмарный год станет лишь дурным воспоминанием. «Это было ужасно! Никто не знал, чем все закончится», – говорила бы я гостям на вечеринке. А Эйбел – живой и здоровый – сидел бы рядом, кивая с благодарностью и сочувствием. Я снова и снова проигрывала в голове эту сцену: сидя в приемной очередного врача, лежа рядом с Эйбелом (он начал ворочаться в кровати и порой издавать во сне странные звуки), глядя на его растерянное лицо, когда он сидел на стуле, ничем больше не занимаясь. «Надо потерпеть, – уговаривала я себя. – Это скоро закончится».

Но ничего не закончилось. И уже не закончится никогда. Мы всё падали, падали и падали – как Алиса в кроличью нору. С каждым месяцем Эйбелу становилось хуже. Друзья постепенно испарились, один за другим. Каждый день я жила как в аду. Страховка, которую муж получил благодаря университету, не помогала: в системе здравоохранения царил полный бардак. Всем было наплевать. Лекарства и анализы выписывались как попало, диагнозы постоянно менялись. Я все ждала, что кто-то наконец поймет, в чем дело, и возьмет лечение под свой контроль. словно в сериале про гениального доктора со сволочным характером, который не отступался, пока не находил ответ. Нас отфутболивали от одного специалиста к другому, равнодушно пожимая плечами и с важным видом отчитывая за неправильный курс лечения, назначенный предыдущим светилом.

Мне никто не помогал. Я постоянно перебирала в памяти события прошлых лет, пытаюсь понять, за что мне выпало такое испытание. Пришлось взять ответственность за жизнь и здоровье Эйбела в свои руки. Целиком и полностью. А ведь до этого мне ни о ком не приходилось заботиться – комнатные цветы не в счет. Теперь я знала все о глотательных пробах, периоде полувыведения лекарств, профилактике пролежней и инфекций мочевыводящих путей. Все, кого я встречала на этом ужасном пути, не разделяли моего удивления.

– Такое случается, – пожал плечами один психиатр, явно подразумевая, что я должна была это знать. *Такое случается!* Я совершила ошибку, поверив, что имею право на сочувствие, и расплакалась во время консультации. Он был примерно моего возраста, с тонким золотым кольцом на безымянном пальце левой руки. – Невозможно предсказать, что произойдет в дальнейшем. Сейчас нам нужно принять ситуацию как есть.

– А с вами такое случалось?

Он отвел взгляд и ничего не ответил. Потом мы говорили о лекарствах, делая вид, что этого постыдного эпизода проявления горя никогда не было.

Как быстро все развалилось! Я даже в страшном сне не представляла, что две счастливые, полные любви и энергии жизни могут в одночасье разрушиться. Разве мы хотели слишком многого? Или взлетели слишком высоко к солнцу, опалив крылья? Мы просто жили, зарабатывали немного денег, любили друг друга. Испытывали благодарность. Ценили то, что имели. Старались проявлять щедрость. Несмотря на развитое воображение, я так и не поняла мораль

и смысл нашей истории. Удача вмиг отвернулась от нас, словно кто-то невидимый и всемогущий решил над нами подшутить.

Жизнь превратилась в уродливую пародию на саму себя. Увлекательное приключение сменилось бессмысленным блужданием в потемках, и я застряла в этом квесте совсем одна. Название моей второй книги казалось теперь жестокой шуткой. Куда бы я ни обращалась, что бы ни предпринимала – новые лекарства, новые врачи, позитивное мышление, мантры, – мне так и не удалось найти выход из мрачного лабиринта.

Мы по-прежнему ездили по врачам. Состояние Эйбела ухудшалось. Только через год прозвучало: «ранняя деменция». Но это был не диагноз, а всего-навсего описание проблемы. Причину так и не выяснили. Он терял рассудок, и никто не знал почему. Чуть позже мы услышали еще одну версию – раннее проявление болезни Альцгеймера. Другие светила пришли к выводу, что это «деменция неясного генеза». Один добрый и честный невролог признал, что совершенно не понимает, в чем дело: мол, для таких ужасных и крайне редких заболеваний пока не придумали специальные термины. Свое откровение он оценил в восемьсот долларов.

Лекарств не существовало. О выздоровлении даже речи не шло. Медицина могла лишь немного замедлить развитие болезни, но не повернуть ее вспять. На КТ и МРТ все было чисто. Реальный диагноз никто так и не поставил.

Я не стала сообщать Эйбелу заключение врача, принявшего меня в модном офисе возле Юнион-сквер в Сан-Франциско. Вернулась домой и сказала, что доктора списали всё на повышенное давление и стресс. Эйбел тут же забыл о разговоре и никогда больше не интересовался своим здоровьем.

В тот вечер я сказала ему, что встречаюсь с подругой в баре. Вместо этого вышла на улицу, завернула за угол, села на бордюр и проревела несколько часов.

Приходилось врать докторам и говорить, что мы женаты. В таких случаях все равно никто не требует доказательств, тем более что вскоре это стало правдой. Мы поженились в мэрии, во время унылой формальной церемонии – на случай, если доказательства все же потребуются. Чтобы я могла на законных основаниях говорить с лечащими врачами и заниматься его финансами. Не уверена, что Эйбел вообще понимал, где мы.

– Мы женимся, – повторяла я как заведенная. – Теперь мы муж и жена.

Эйбел кивал – так же, как на приглашение к завтраку. Он тогда уже почти перестал говорить.

От лекарств ему становилось только хуже, и я перестала их давать. Мы посещали сеансы иглоукалывания в Чайнатауне, ездили к остеопату в Лос-Анджелес и к народной целительнице в Аризону. Я часами сидела в интернете, выискивая сведения о новых методах лечения в Швеции, об особых диетах и волшебных травах. Мы испробовали всё. Ничего не помогало.

Деньги утекали как песок сквозь пальцы. Мы больше не написали ни строчки. Эйбел теперь с трудом мог прочитать информацию на пачке овсяных хлопьев. Время больничного, который он взял в университете, истекало. Мне пришлось разорвать его контракт, а значит, он терял основной источник дохода, если не считать пару сотен долларов авторских отчислений ежегодно. И теперь нужно было искать деньги для оплаты страховки. Лишь одна его коллега связалась со мной, чтобы выразить сочувствие, – молодая женщина, которой Эйбел помог защититься.

«У меня просто нет слов. Сердцем я с вами», – написала она. Может, и правда хотела оказать поддержку. Но почему-то ограничилась отправкой записки по почте.

К счастью, через пару месяцев после проявления симптомов муж перестал осознавать происходящее. Поэтому не мог понять, чего лишается. Когда прошел год после постановки диагноза, он уже не мог читать собственные книги. Много спал, слонялся по дому, смотрел фильмы. Редко испытывал гнев или печаль. Просто постепенно терял себя. Хотя явно не скучал по собственной личности.

А вот я скучала. Безумно! У меня не было ничего и никого дороже – ни семьи, ни близких. Я хотела невозможного: вернуть прежнего Эйбела. И, судя по всему, мне предстояло мечтать об этом до конца дней.

Прошел еще один год. Теперь Эйбел в основном сидел в кресле, уставившись в пустоту: он почти не говорил, не мог сам принять душ или приготовить еду. Деньги таяли на глазах. Моя книга по-прежнему продавалась, но все хуже и хуже. Некогда стабильный доход превратился в едва заметный ручеек. С каждым месяцем платить аренду становилось сложнее. К тому же продолжать жить в городе было небезопасно для Эйбела: стоило ему выйти из дома, как он моментально терялся. Однако попытка надеть на него браслет с личными данными вызвала гнев.

– Я не... – повторял он снова и снова, выхватывая свою руку. – Я не...

Мысль так и осталась незаконченной.

Предстояло решить, какой из немногих вариантов медицинской помощи выбрать. Заведения, предлагающие длительный уход, были либо непомерно дорогими, либо отличались ужасными условиями. Золотой середины не существовало. В лучшем случае он получал бы качественный уход, не понимая, где находится. Или же заработал бы пневмонию, грипп или пролежни и умер в одиночестве, прежде чем я нашла способ его вылечить. Именно это я и собиралась сделать – даже если пришлось бы искать всю жизнь.

Через два года после появления симптомов муж с трудом мог закончить фразу. Я собрала все оставшиеся деньги, продала имущество и купила дом с участком на севере штата Нью-Йорк. Эйбел часто бывал здесь в детстве – раньше дом принадлежал его двоюродному брату. Какие-то воспоминания могли по-прежнему храниться в отдаленных, наименее поврежденных участках мозга. Его родной город находился ближе к Кливленду, ну а тот, в котором обосновались мы, – в трех часах езды без пробок от Нью-Йорка. Платежи по ипотеке составляли половину стоимости аренды в Окленде. К тому же неподалеку жили двоюродные братья-сестры и родители Эйбела: я думала, они захотят быть рядом, попытаются помочь. Как же я ошибалась! Никому не нравится общество таких, как мы. Родители навещали раз в год, другие родственники – и того реже. Зато прилегающая к дому обширная территория была огорожена, так что муж мог спокойно повсюду бродить. Как я и рассчитывала, благодаря остаткам мышечной памяти он и в самом деле без проблем ориентировался в доме. Хотя всего через несколько месяцев оказался прикованным к инвалидному креслу, и все потеряло смысл.

Я не стала обращаться в агентство для помощи с переездом. Теперь мы не могли позволить себе лишние траты. Деньги ушли на оплату бесполезных курсов лечения и на покупку никому не нужного дома. Так что пришлось самой паковать вещи. Лишь немногие из друзей вызвались помочь. Большинство прекратили общение, как только Эйбел заболел. Этого следовало ожидать... Я без сожаления вычеркнула их из нашей жизни.

Мое сердце продолжало разбиваться, пока в один прекрасный день от него больше ничего не осталось. Вся моя жизнь лежала в руинах. За годы болезни мужа я потеряла последнюю родственницу – тетю. Она оставила мне в наследство пять тысяч долларов и «убитый» трейлер в Седоне. Все, что мне было дорого, исчезло.

Мы загрузили пожитки в грузовик и наняли водителя, чтобы тот отвез нас на другой конец страны. Тогда я и стала продавать книги. Я не могла забрать с собой все – только самые ценные и любимые. Однако, когда мы въехали в новый дом и оказались на мели, мне пришлось продать и их. Так началась моя карьера букиниста.

Этот провинциальный городок был красивым и благоухающим; летом его наводняли толпы туристов, а зимой он становился холодным, пустым и враждебным. Небольшой фермерский дом начала прошлого века мне понравился, хотя у меня не хватило ни денег, ни желания сделать его по-настоящему своим. Он так и остался всего лишь местом проживания и не сумел превратиться в домашний очаг.

Как только мы обосновались на севере штата, я попыталась вернуться к написанию книги. Свободного времени было навалом, к тому же до того, как Эйбел заболел, я успела настроичить добрую половину. Но любому писателю для работы нужны чувства, вдохновение, страсть... Мне и жить-то не хотелось, не то что сочинять романы. Время от времени я садилась за стол, открывала нужный файл и тупо смотрела в экран, спрашивая себя: «Зачем я это делаю?» Мне нечего было сказать людям. Когда-то я думала, что нашла свое счастье. Жестокое заблуждение!.. Бесполезно реанимировать прежнюю работу. Даже если и удастся из нее что-то слепить, вряд ли кто осилит столь унылое чтиво.

Приходилось закрывать ноутбук и заниматься чем-то другим.

Порой, просыпаясь среди ночи, я снова и снова повторяла, что это не сон. Карьере конец. Моего Эйбела больше нет. Мозг отказывался признавать реальность: ничего подобного! Я по-прежнему нахожусь в Калифорнии, в огромной кровати знакомого лофта; нам так уютно и тепло под толстым одеялом, в окна заползает холодный туман с залива, а мы лежим, обнявшись, и нам никто не нужен...

Но все это происходило взаправду. И в кровати я лежала совершенно одна.

Я прожила с мужем «в болезни» гораздо дольше, чем «в здравии». Последнее слово Эйбел произнес три года назад.

– Сэндвич, – сказал он, глядя на тарелку с супом.

И с тех пор больше не говорил.

Глава 7

Вернувшись домой, я попыталась выкинуть «Книгу о бесценной субстанции» из головы. Пора смириться с перспективой провести остаток дней в маленьком провинциальном городке. Могло быть и хуже. Конечно, деньги не помешали бы, но гоняться за непонятной рукописью – не самый разумный способ заработка.

К тому же Лукас олицетворял собой все то, чего я избегала годами. У меня выработалось стойкое отвращение к привлекательным людям, которые очевидно регулярно занимались сексом и получали наслаждение от жизни. Конечно, ничто не мешало мне ходить на свидания – Эйбел точно не стал бы ревновать. Но я любила мужа. И не представляла рядом с собой другого мужчину. Да и потом – какие свидания? Мне уже за сорок, бывшая красота померкла, работа адская, да еще и «прицеп» в виде иждивенца, требующего постоянного ухода. Иногда я ему изменяла. Правда, каждый раз это было так неловко, сумбурно и бестолково, что у меня пропала всякая охота искать новые приключения.

Теперь в моей жизни оставались лишь дом, книги, Эйбел и Аве. Я нашла Аве через соцслужбу три года назад. Он жил с нами в качестве круглосуточной сиделки и сам подыскивал замену, когда брал выходной. На оплату его услуг уходила почти треть моего заработка. Если б могла, платила бы гораздо больше. Лучшего помощника по уходу за больным и представить нельзя – такие добрые и щедрые люди на вес золота! Аве было пятьдесят пять. В сорок шесть он приехал в Америку из Нигерии, где работал бухгалтером. После того как его мать умерла от рака, а жена – от малярии, дочери-студентки оплатили ему дорогу до США (одна училась в Стэнфорде на невролога, другая осваивала театральное искусство в Нью-Йоркском университете, но, несмотря на разные интересы, сестры были очень близки). Они хотели, чтобы отец начал в Америке новую жизнь. Вместо этого, не в силах справиться с горем потери, Аве запил. Когда решил завязать с алкоголем, сотрудники иммиграционного центра предложили ему окончить курсы помощников по уходу за больными, и он ухватился за эту возможность. Однако не оставлял надежды вернуться когда-нибудь к работе бухгалтера. Каждое утро, пока Эйбел спал, Аве ходил на собрания общества анонимных алкоголиков. Отношения с дочерьми, испорченные за годы запоев, постепенно налаживались – по крайней мере, они начали регулярно общаться.

Мы справлялись. Да, иногда мне хотелось большего, иногда я мечтала о лучшей жизни, – но понимала, что у многих нет и этого. И не жаловалась. Ведь могло быть и хуже.

Жизнь вошла в привычную колею. Я отправляла книги почтой, отвечала на электронные письма, разгребала накопившиеся домашние дела: давно следовало починить раковину и перестирать гору белья. Позвонила паре старых клиентов по поводу «Бесценной субстанции» – один из них коллекционировал книги по оккультизму, другой обладал обширными познаниями в алхимии – и разослала сообщения знакомым букинистам. Никто ничего не знал. Затем просмотрела свои списки литературы схожей тематики и даже прикупила несколько новых перечней. Увы, нужной мне информации там не нашлось.

Это был тупик.

* * *

Через день после моего возвращения пришел на чай сосед, Джеремайя, который заглядывал почти каждую неделю. В семидесятых он – тогда еще студент Нью-Йоркского университета – нашел подработку на лето в местных яблоневых садах и решил остаться. Я давала ему книги, а он угощал меня яблоками. Кроме Аве, Джеремайя был единственным, кто не чурался

моего мужа. Остальные посетители во время редких визитов старались его вовсе не замечать – словно уродливый, не заслуживающий упоминания предмет мебели.

– Как дела, приятель? – по обыкновению обратился он к Эйбелу.

Я сварила кофе и достала купленное в супермаркете печенье. Мы поговорили о его ферме, обсудили сериалы, прочитанные книги и бардак в политике – местной, национальной и мировой. Джеремайя занимал активную гражданскую позицию и поддерживал движение «Жизни черных важны» в нашем городке, но при этом считал себя истинным христианином и оптимистом. Верил во всепобеждающую силу добра – якобы тем, кто встанет на его сторону, гарантировано счастье. По-моему, это полная чушь. Моя собственная жизнь – лучшее тому подтверждение.

Джеремайя ушел; теперь вряд ли стоило ожидать других гостей до его следующего визита. Я позвонила доктору Ричардс, лечащему врачу мужа. Давно уговаривала ее попробовать новый гормональный препарат – особая формула блокировала одни участки мозга и стимулировала другие. По данным австралийских ученых, в двух случаях благодаря этому лекарству удалось обратить симптомы деменции вспять. Доктор Ричардс терпеть не могла, когда я звонила по поводу новых методов лечения, поэтому приходилось регулярно менять врачей – никому из них не нравилось мое активное вмешательство. Сначала они соглашались испытать средство, про которое я где-то слышала или читала. Против следующего предложения о смене лекарства обычно тоже не возражали. Но к моменту третьей попытки наши отношения, как правило, были безнадежно испорчены.

– Вам нужно принять ситуацию, – сказала доктор Ричардс.

Ну вот опять... И это всего лишь второй по счету маленький эксперимент! С момента постановки диагноза Эйбел успел благодаря мне поучаствовать в тридцати клинических испытаниях. Останавливаться я не собиралась.

– Крайне маловероятно, что состояние вашего мужа улучшится.

– Знаю. Но шанс все-таки есть.

– Мизерный. Примерно один на миллион.

– Отлично! Я хочу использовать малейший шанс, чтобы ему помочь.

– Возможно, даже один на десять миллионов. – Она была непреклонна.

– Неважно, – отмахнулась я. – В мире более десяти миллионов человек страдают от деменции. Шансы не так уж и плохи.

– Поймите, нет никаких доказательств эффективности препарата. Всего у двух пациентов отмечалась положительная динамика.

– Почему бы не попробовать? Если ему станет хуже, мы сразу отменим лечение. Чем мы рискуем?

– Не стоит питать иллюзий.

– Я и не питаю. Но отказываться от надежды не собираюсь. Иначе точно ничего не выйдет.

– Надежда бывает обманчивой. Она действует подобно наркотику, вызывая привыкание.

– Как и отчаяние.

Доктор Ричардс нехотя выписала рецепт. Мы обе понимали, что вскоре я буду искать нового врача. Тем более что она мне никогда особо не нравилась. В отношении многих людей, даже врачей (особенно врачей!), постоянно сквозило завуалированное осуждение, как будто болезнь Эйбела была послана нам за грехи или ошибки прошлого. Случись подобное с ними, они точно нашли бы выход. Подобрали бы правильное лечение, имели бы более выгодную страховку, завели бы детей, – и вообще ужасно глупо вот так взять и заболеть. А еще глупее – выйти замуж за больного.

На ужин Аве приготовил рагу с курицей. Он готовил почти каждый вечер: обычно – нигерийские блюда, иногда – китайские. Я готовила пару раз в неделю, а в остальное время мы довольствовались остатками вчерашнего ужина или чипсами. Питаться в ресторанах я позво-

ляла себе только во время поездок на книжные ярмарки. Никто из нас не обладал суперспособностями в кулинарии. Ужин был вполне сносным, не более того.

После еды я пошла в сарай, чтобы немного поработать. Здесь, под высокой остроконечной крышей, мне удалось устроить что-то вроде кабинета: книжные полки во всю стену, небольшая рабочая зона в глубине и стол в углу, где можно было чистить, реставрировать и упаковывать книги. Летом это вечно пыльное помещение раскалялось от жары, зимой промерзло, но зато здесь я могла побыть наедине с собой. Стоило переступить порог, и напряжение немного отпускало. Кроме меня, сюда никто не входил, за исключением старых проверенных клиентов. Пару часов спустя я отправилась в постель, прихватив с собой бокал вина и ноутбук – посмотреть перед сном детективный сериал. Мысли упорно возвращались к Лукасу и книге. Пришлось выпить еще один бокал вина и принять полтаблетки снотворного, чтобы их заглушить.

Наутро Аве пожаловался на плохое самочувствие – иногда его мучили жесточайшие приступы мигрени, влияющие на зрение, – и я отправила беднягу в постель. Затем подкатила кресло Эйбела к телевизору и села с ноутбуком на диван, чтобы проверить почту. Я давно не оставалась с мужем один на один и успела забыть, как непросто ухаживать за человеком, который абсолютно ничего не может делать сам. Через некоторое время пришлось вытереть ему стекающую с подбородка слюну. Потом почти сорок минут кормить из ложечки протеиновым коктейлем. Врачи предупреждали, что вскоре он утратит способность глотать, а значит, впереди новая печальная глава – питание через трубки... К счастью, до этого пока не дошло.

Не успела я вновь сосредоточиться на работе, как Эйбел вдруг скривился, словно от боли, и начал издавать странные скулящие звуки. Возможно, ему было неудобно сидеть. Я подошла проверить и не заметила ничего подозрительного, но на всякий случай попыталась его немного выровнять. Он оказался безумно тяжелым! Почему-то вспомнилось, как мы предавались страсти в машине на парковке устричной забегаловки в Бодега-Бэй; он так сильно любил меня, что готов был улаживать на заднем сиденье «Форда»... Наконец удалось усадить мужа поудобнее, и он затих.

А я заплакала. Потому что до сих пор не смогла к этому привыкнуть. Было нестерпимо больно видеть его таким, касаться чужого, пугающего тела... Мне очень не хватало прежнего Эйбела!

Поскольку работа все равно не клеилась, я весь день просидела перед телевизором рядом с мужем, то и дело обслуживая его. «Могло быть и хуже. Ты могла оказаться бездомной. Или лишиться в автокатастрофе обеих рук. Или стать беженкой. У некоторых людей нет лица, потому что кто-то плеснул в них кислотой. Когда-нибудь ты вспомнишь, как жила в этом прекрасном доме, как Аве помогал тебе во всем, и подумаешь: а ведь хорошо было тогда», – повторяла я, как молитву, чтобы не сойти с ума.

Жизнь продолжалась. Я начала смотреть новый сериал о полицейских, расследующих преступления на сексуальной почве, – скучный и напичканный эротическими сценами. Продала парочку хороших книг, с десяток плохих и одну, с которой рассталась скрепя сердце: роман Куки Мюллер из серии «Хануман Букс»¹¹. Поискала варианты помещений под книжный магазинчик, о котором говорила с Лукасом. Все оказалось не просто: даже если сдать подороже вполне жилой сарай, где сейчас хранились все книги, мне не хватило бы денег на залог, равный трехмесячной аренде. У меня не было такой суммы, несмотря на приличный заработок. Ведь никто не отменял расходы на оплату услуг Аве, медицинскую страховку, лекарства и физиотерапию, а также на новые методы лечения. Каждый месяц я уходила в минус.

¹¹ «Хануман Букс» – серия книг, изданных в 1986–1993 годах. В ней представлен ряд крупных имен авангардной культуры, а также представителей бит-поэзии, секс-меньшинств, фабрики Уорхола, современных на тот момент музыки и кино и т. д. Серия приобрела статус культовой.

Все вернулось в привычное русло. Однако через неделю, когда я вновь приоровилась к жалкому существованию в захолустном городке, раздался телефонный звонок от Лукаса. Так началась эта безумная авантюра.

Глава 8

Мы с Эйбелом и Аве завтракали. Я ела тост с яйцом, приготовленный в точности как мне нравится (хрустящий хлеб, жидкий желток); Эйбел безучастно сидел рядом, уставившись в пространство; Аве делал в блендере пюре из брокколи.

Зазвонил мой мобильник. На экране высветилось имя Лукаса. Сердце застучало как ненормальное, хотя мы были знакомы уже сто лет и периодически созванивались. Ничто не поменялось – по крайней мере, мне хотелось так думать.

Я не стала отвечать. Мне показалось неправильным говорить с другим мужчиной в присутствии мужа. Смешно, конечно: можно подумать, Эйбелу не все равно, а Лукас питает ко мне какие-то чувства, кроме дружеских. Между нами никогда ничего не было, только легкий флирт и профессиональное сотрудничество. Ах, если бы...

После завтрака небо прояснилось, и Аве повез Эйбела на прогулку по городу – как всегда в хорошую погоду. Я проверила почту, упаковала несколько книг для отправки и сделала пару звонков по поводу редких изданий, заказанных клиентами. И только перед самым обедом перезвонила Лукасу из своего импровизированного офиса.

– Между прочим, – небрежно бросил он, когда мы обменялись приветствиями, – у меня есть новости. Знаешь Лео Синглтона?

– Конечно.

Лео Синглтон считался одним из лучших специалистов по редким книгам в Нью-Йорке – а значит, и во всем мире. Я часто встречала его на книжных ярмарках и фестивалях, хотя мы и не были знакомы.

– Он мой друг, – продолжал Лукас. – Правда, не очень близкий. Вчера в баре я спросил его о «Бесценной субстанции». Книги у него нет, но он клянется, что видел ее собственными глазами!

– Ух ты! – обрадовалась я. – И?.. Он хоть намекнул, где ее искать?

– Не совсем. Зато рассказал кое-что о ней самой.

– Что именно?

– Тебе лучше услышать это от него. – Лукас явно хотел меня заинтриговать. – Ты упадешь!

– Ладно. Приеду.

До сих пор не понимаю, почему так легко согласилась. Это было совсем на меня не похоже! Я ко всему относилась с сомнением и осторожностью; выверяла каждый шаг и старалась везде подстелить соломку. Похоже, книга уже тогда начала на меня влиять, превращая в персонажа своей истории. А персонажи не имеют собственной воли и вынуждены подчиняться автору.

Через два дня в Оружейной палате¹² на Парк-авеню проходила одна из крупнейших ярмарок антикварных книг. Лукас договорился встретиться с Синглтоном за ужином после ее окончания.

– Будет интересно, – заверил он, прощаясь.

– Посмотрим, – недоверчиво проворчала я.

Хотя в глубине души предвкушала увлекательное приключение.

¹² Оружейная Седьмого полка, также известная как Оружейная палата – историческое здание; в наше время используется как свободное творческое пространство.

* * *

В оставшиеся до ярмарки дни я честно пыталась выбросить Лукаса из головы. Продавала книги, занималась уборкой, ухаживала за мужем. И после обеда в назначенную дату села в поезд до Нью-Йорка. Как всегда в это время, вагон был практически пуст, если не считать старика у двери и молодой пары по другую сторону от прохода.

Новая книга о дегенеративных неврологических заболеваниях оказалась ужасно скучной. Отложив ее, я оглядела вагон и невольно задержала взгляд на юных влюбленных. Сиденья в поезде располагались как по ходу, так и против движения, и ребята ехали лицом ко мне. Прижавшись друг к другу, они о чем-то перешептывались и целовались. Пространство вокруг них будто искрилось – не только от сексуальной энергии, но также от особой ауры доверия, близости, ожидания счастья и общности воспоминаний. Их словно окутывало волшебное сияние, защищая от жестокости внешнего мира.

Я поднялась и перешла в другой вагон.

Глава 9

Раньше мне казалось, что темные нью-йоркские ночи неотличимы одна от другой, особенно в зимние месяцы. Однако, встретившись с Лукасом на ступеньках Оружейной палаты, я с удовлетворением почувствовала, что эта ночь – особенная. Слегка приобняв, он поцеловал меня в щеку и спросил о поездке – дежурные, ничего не значащие фразы. Но как блестели при этом его глаза! А рука оставалась на моей талии, пока мы не вошли в дверь. Сойдя с поезда, я успела забросить сумки в гостиницу и переодеться в приличное платье и полуботинки.

Антикварная ярмарка в Оружейной палате ничем не отличалась от остальных – и в то же время была совершенно другой. Самая дорогая книга на недавней манхэттенской ярмарке стоила сто пятьдесят тысяч долларов. Здесь же цены могли доходить до полутора миллионов. Именно столько просили за итальянский манускрипт семнадцатого века об астрологии с вращающимися съемными элементами, – и продавал его не кто иной, как Синглтон.

В историческом здании на Парк-авеню когда-то и в самом деле размещалась оружейная палата; сейчас же оно превратилось в некий элитный клуб, где представители высшего общества проводили различные мероприятия, вроде книжных распродаж, выставок орхидей и женских собраний. Интерьеры этого шедевра архитектуры конца девятнадцатого столетия украшали высокие потолки, витражные окна и отделанные красным деревом стены, подоконники и лестницы. Здесь книги были разложены не на шатких столиках, а на суперсовременных стендах. За десять минут я увидела рукопись Уильяма Блейка, руководство по экзорцизму 1555 года и первое издание «Улисса». Настоящий клондайк для библиофилов!

Я сразу узнала Лео Синглтона в высоком худощавом мужчине около сорока с коротко стриженными волосами. На нем был элегантный серый костюм с белоснежной рубашкой и темным галстуком. Лео разговаривал с одним из потенциальных покупателей – пухлым лысым коротышкой в черных брюках до щиколоток, черных ботинках и объемной шелковой футболке того же цвета. На носу у него красовались аккуратные очки в круглой красной оправе. Я не слышала, о чем они говорят, но на оживленном лице продавца сияла довольная улыбка, словно он по секрету сообщал собеседнику что-то очень приятное.

Заметив нас, Лео поднял палец – подождите, мол. Мы кивнули. Оба его помощника тоже не стояли без дела. Судя по размерам и выигрышному расположению, это был самый дорогой стенд на ярмарке.

Ожидая, пока Синглтон закончит беседовать с человеком в красных очках, мы разглядывали выставленные на продажу книги. Большинству обывателей и за две жизни не увидеть такой роскоши. Китайская «И-цзин», более известная как «Книга перемен», издания 1400 года. Свиток с алхимическими текстами семнадцатого века. Сборник рецептов приготовления различных блюд и снадобий – в особенности колдовских – конца шестнадцатого столетия.

– Считается, что он принадлежал Елизавете Батори.

Я обернулась: позади стоял Синглтон, с загадочной улыбкой глядя на кулинарную книгу.

– Доказательств я не нашел и не смог включить ее в каталог. Однако у меня есть все основания полагать, что это правда.

– Не самый веский довод, – заметила я.

– Лили Альбрехт – Лео Синглтон, – представил нас Лукас. – Полагаю, вы давно знакомы заочно.

Синглтон улыбнулся и пожал мне руку.

– Слышал, вы не фанатка рукопожатий. Но я ваш преданный поклонник и счастлив наконец познакомиться лично.

В подобных ситуациях я всегда испытывала неловкость, и решила, как обычно, сменить тему.

– А я всегда восхищалась вами! Ни у кого нет такой потрясающей коллекции.

– Надеюсь, – сказал Синглтон. – Иначе меня это расстроило бы... Хочу вам кое-что показать.

Он подвел нас к стеклянному шкафу на другой стороне стенда и взял с полки книгу в кожаном переплете, чуть крупнее современного книжного формата и с виду очень старую. По моим прикидкам, она была издана в начале девятнадцатого века в Америке. Почему я так решила? У любого человека, который посвящает столько времени книгам – как и любому другому предмету, – развивается интуиция. Иными словами – нюх, чутье. Начинаешь моментально замечать интересный экземпляр и угадывать его происхождение.

Синглтон раскрыл томик, который оказался рукописным дневником 1845 года. Почерк был неразборчивый, так что больше я ничего не поняла.

– Очень подробный дневник одной либертинки¹³ из Бостона, – пояснил Синглтон. – Она придерживалась крайне нестандартных взглядов, поскольку выросла в коммуне у подножия Беркширских гор, проповедующей свободную любовь и вольнодумие. Единственный экземпляр! Правда, я сделал себе копию.

Меня всегда интересовали утопические общины: «Онейда», «Лили Дейл», «Брукфарм». Мы с Эйбелом даже хотели написать о них книгу. У нас было много идей для соавторства: «Тайная история утопических сообществ Америки», «Эстетика Лас-Вегаса», «Полная и всеобъемлющая история американской поп-музыки»...

– Что-то среднее между Фанни Хилл¹⁴ и Молль Флэндерс¹⁵, – продолжал Синглтон. – Потрясающая женщина. Чем-то напоминает вас.

Я сдержанно улыбнулась. *Прежнюю* меня.

– Давайте уже пойдем, – вмешался Лукас. – Нас ждут прекрасный ужин и увлекательная история от Лео.

Ресторан находился в четырех кварталах. Мы отправились туда пешком по слякотным улицам. Лукас и Синглтон обменивались последними новостями из мира сверхдорогих книг, их продавцов и покупателей. Свернув с Пятой авеню на тихую улочку, мы оказались перед коричневым каменным зданием. Внутри царил полумрак, в отделке помещения преобладало темное дерево, на белых скатертях горели свечи. Девушка-администратор улыбнулась моим спутникам – когда-то меня тоже всюду встречали такой улыбкой – и проводила нас к столику.

Я взглянула на меню с астрономическими ценами, судорожно подсчитывая, в какую сумму может вылиться ужин в подобном заведении. Филе цыпленка, выращенного по особой технологии на экоферме, – шестьдесят долларов. Сибас – сорок пять. Словно прочитав мои мысли, Синглтон заказал двухсотдолларовую бутылку шампанского.

– Не беспокойтесь, я угощаю, – великодушно заявил он. – Вино – моя слабость.

– По-моему, сейчас моя очередь, – возразил Лукас.

Можно было расслабиться: пусть хоть до утра спорят из-за счета. Я заказала салат за двадцать четыре доллара из консервированных персиков с сыром рикотта и мятой, а на горячее – сибаса. Интересно, как там Эйбел? Аве, наверное, давно накормил его питательной смесью или пюре из курицы и брокколи. Сейчас они, скорее всего, сидят перед телевизором, накрывшись пледом, и смотрят какой-нибудь спортивный матч или детективный сериал. По крайней мере, Аве смотрит, а Эйбел следит взглядом за мелькающими на экране картинками.

¹³ Либертинизм – нигилистическое философское течение, возникшее в первые десятилетия XVI в. в ученой среде как вызов проповедникам религиозной, этической, моральной и нравственной догматики.

¹⁴ Фанни Хилл – героиня скандального романа Дж. Клеганда «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех».

¹⁵ Молль Флэндерс – героиня романа Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флэндерс».

– Итак, «Книга о бесценной субстанции»: что вам удалось о ней узнать? – спросил Синглтон, возвращая меня в реальность. Беседа его определенно забавляла. Вскоре мы поняли почему.

– Практически ничего, – ответила я. – Видите ли, у меня есть клиент, который хочет потратить кучу денег, а я как раз не прочь их получить, так что меня очень интересует эта книга.

Моя откровенность развеселила Синглтона.

– Полагаю, ваш клиент либо чернокнижник, либо извращенец, – он усмехнулся. – Не в обиду будь сказано.

Мы засмеялись. Выяснить бы еще, кто этот загадочный тип...

– Он предпочитает не называть свое имя, – не моргнув глазом, соврала я. – Но, по-моему, оба определения – в точку.

– В таком случае, расскажу все, что знаю, – пообещал Синглтон.

Принесли закуски. Мой салат выглядел, как художественное произведение: на простой белой тарелке были красиво выложены очищенные от кожуры половинки сладких персиков с нежнейшей рикоттой и свежесорванными листочками мяты, сбрызнутые медом и оливковым маслом. Лукас заказал карпаччо из говядины, а Лео – салат из тончайших ломтиков сырой свеклы с зеленью, заправленный оливковым маслом, лимонным соком и морской солью.

– Насколько я знаю, существует три абсолютно идентичные рукописи, изготовленные в Голландии в тысяча шестьсот двадцатом году, – начал Синглтон свой рассказ. – Мне довелось держать в руках экземпляр, известный как «Франкфуртская копия». Именно во Франкфурте я его и увидел. Изначально существовало пять копий, но две из них не дожили до наших дней: одна сгорела при пожаре в Лондоне в девятнадцатом веке, другую уничтожили монахи в Мехико в восемнадцатом. Так что остались только «Франкфуртская копия», которая теперь хранится в Амстердаме; «Рокфеллерова копия» – по слухам, она когда-то принадлежала родоначальнику династии, однако сейчас ее местонахождение неизвестно; я бы ставил на Париж, но это не точно. И та, что в Лос-Анджелесе – ее иногда называют «Хантингтонским изданием», поскольку в тридцатых годах она довольно долго числилась в фондах Хантингтонской библиотеки в Пасадене. Все три копии находятся в частных коллекциях. Очень частных.

– Вы знаете имена владельцев?

– Да, – отрезал Синглтон, давая понять, что не собирается делиться этой информацией.

Вылив остатки шампанского в мой бокал, он заказал еще одну бутылку и продолжил рассказ:

– Вернемся в тысяча шестьсот двадцатый год. Жил тогда в Амстердаме человек по имени Иероним Зилл. Небольшое отступление: вы же в курсе, кто такой Алистер Кроули¹⁶?

Мы с Лукасом кивнули с умным видом. Каждый букинист знал, что за первое издание любого из творений Кроули можно получить сумму, равную среднемесячному доходу. Вот и все, что мне было известно об авторе, помимо того, что его считали колдуном, чернокнижником, магом – или как там еще называют тех, кто накладывает заклятья и говорит с призраками.

– Кроули был признанным авторитетом в области секс-магии. По слухам, все свои знания он почерпнул как раз из «Книги о бесценной субстанции».

– Интересно, – сказала я.

– Что еще за секс-магия? – спросил Лукас.

– По сути, это искусство использования секса для творения магии, а именно, по определению Кроули, – «для изменения реальности в соответствии с волей мастера». Что-то вроде того. Выделяют различные магические течения. Например, согласно Тантре, мужчина укреп-

¹⁶ Алистер Кроули (1875–1947) – английский оккультист, поэт, художник, писатель и альпинист, был известен как черный маг и сатанист.

ляет свою власть, задерживая семяизвержение. Теория западного оккультизма предполагает визуализацию желаний в момент оргазма. Также есть целый ряд магических обрядов с привлечением демонов или неких божественных существ. Я в этом мало разбираюсь. Сатанисты практикуют совокупление на алтаре. Виккане¹⁷ используют секс, чтобы соединить мужское и женское начало. Перечислять можно бесконечно.

– С ума сойти... – Лукас присвистнул. – Я, конечно, слышал о чем-то подобном...

Мне тоже было кое-что известно, но Синглтон переплюнул нас обоих. Я читала пару оккультных книг и пробовала гадать на картах Таро в подростковом возрасте, хотя и не углублялась в тему. Эйбел в свое время очень интересовался темными искусствами – с целью разоблачить мнимых «магов» и вывести мошенников на чистую воду. Он считал это полной ерундой. А вот я не была так категорична – редкий случай, когда мы расходились во мнениях. В моей жизни порой происходили мистические совпадения, не поддающиеся логике. Я никогда ни во что не верила. Однако допускала, что существует нечто за гранью человеческого понимания.

– На чем мы остановились?.. Итак, «Книга о бесценной субстанции», – продолжил Синглтон. – Предполагается, что написал ее житель Амстердама по имени Иероним Зилл. Он был химиком и алхимиком. Его имя получило известность благодаря философу и искусному гравюру Роберту Фладду, увлекавшемуся алхимией. Фладд считал Зилла другом и оставил о нем подробные воспоминания. Существует версия, что именно утерянная книга голландца вдохновила Фладда на создание знаменитой розы, ставшей эмблемой ордена розенкрейцеров¹⁸.

Я вспомнила известную гравюру с изображением розы: семь рядов лепестков символизируют семь тел человека – от духовного до физического. Или семь планов бытия – от рая до ада.

Пришел черед основных блюд. Сибас был приправлен травами и фундуком. Лукас заказал утку с лесными грибами. Синглтону принесли три крошечные бараньи отбивные с кровью, на «подушке» из картофельного пюре.

– Некоторые современники упоминали Зилла в письмах и дневниках. Например, Ханс Хансон, алхимик из Амстердама, найденный мертвым в собственном доме в возрасте тридцати трех лет. У него на столе обнаружили недописанное письмо Зиллу, где тот именовался не иначе как «насквозь прогнивший мерзавец с сердцем свиньи». Один священник – не помню его имени – писал о нем так: «Иероним Зилл – самый умный и самый отвратительный из жителей Амстердама». Чем объясняется подобная репутация? Во-первых, достоверно известно, что он практиковал черную магию. Во-вторых, не гнушался дурить обывателей, продавая поддельные минералы и сомнительные снадобья. В те времена и то, и другое было в порядке вещей. Впрочем, как и сейчас. Так или иначе, основываясь на многочисленных, пусть и не бесспорных, источниках можно предполагать, что именно Зилл написал «Бесценную субстанцию».

– Почему же о ней почти нет информации? – удивился Лукас.

– А вот это интересный вопрос! Все пять копий практически никогда не переходили из рук в руки: по каким-то неведомым причинам владельцы не желали их обнародовать. Насколько я знаю, книгу даже не пытались издавать; созданные Зиллом пять экземпляров – единственные в своем роде. Чтобы прочесть книгу, придется раздобыть одну из оригинальных копий, при этом неплохо бы еще владеть латынью. Что касается «Франкфуртской копии»... Давайте-ка я лучше расскажу все по порядку.

– С удовольствием послушаем! – вставил Лукас.

– Меня всегда интересовала магия. Начал я, как водится, с трудов Кроули. Затем отправился в Оксфорд, где вступил в одно сообщество – нечто вроде магического ордена. Как и большинство подобных организаций, они заявляли, что существуют испокон веков. Думаю,

¹⁷ Викка – неязыческая религия, основанная на почитании природы. Существует несколько викканских течений. Одно из них, упомянутая в тексте Гардерианская викка, – единственное направление, которое строится на сексуальных практиках.

¹⁸ Орден розенкрейцеров – тайное теологическое и мистическое общество, основанное в позднем Средневековье.

это вранье: всего лишь кучка богатеньких юнцов, которые пытаются «вызывать» демонов и «общаться» с ангелами.

– И как, успешно? – спросила я.

– Я всего лишь букинист. Однако могу сказать, что мне довелось лицезреть поразительные вещи. Никогда бы не поверил, если б сам не был их свидетелем. Какое-то время я работал с этой оксфордской группой. Они практиковали весьма сомнительные ритуалы. Теперь некоторые из членов сообщества мелькают на страницах газет, управляют компаниями и заседают в парламенте. Забавно... У меня тоже имеется небольшой опыт, поэтому я всегда специализировался на оккультных книгах. Моя самая интересная сделка – хотя и не самая прибыльная – связана с колодой карт Таро ручной работы, изготовленных в семнадцатом веке. Я нашел их случайно на старом чердаке в Лионе и продал одной состоятельной даме почти за миллион долларов. Это позволило мне купить домик в Хэмптонсе. Конечно, перед тем как продать, я внимательно их изучил. Прекрасное изделие с весьма необычными иллюстрациями.

К этому моменту все мы слегка захмелели.

– Вы умеете гадать? – спросила я.

– Плохо. Очевидно, не из ложной скромности, а из равнодушия к конкуренции.

– И что же поведали карты?

– Скажем так: они помогли мне принять очень важное решение. Полагаю, я сделал тогда правильный выбор. Как вы знаете, Кроули опубликовал почти все свои труды еще при жизни. Впрочем, большинство оккультистов уважают печатные тексты... Извините, шампанское немного ударило в голову. Вот почему эта область всегда привлекала продавцов и коллекционеров.

Но мы отвлеклись... Итак, Франкфурт. Прихожу я в гостиничный номер к клиенту – как же его звали?.. Не помню. Больше десяти лет прошло. Ему принадлежал весь верхний этаж шикарного отеля. Позвольте сделать еще одно отступление: во Франкфурте я оказался совсем по другому делу. Директор крупной компании поручил мне выкупить редкий гримуар, только что появившийся на рынке. Впоследствии я разорвал с тем клиентом все связи, после того как он попросил раздобыть кое-какие нацистские реликвии – для меня это неприемлемо. Пока не вскрылись его пристрастия, я ему симпатизировал. Гримуар представлял собой рукописный сборник заклинаний одного чернокнижника семнадцатого века. Я приехал во Франкфурт, заполучил книгу, и тут мне позвонил другой клиент. Музыкант. Понятия не имею, откуда он узнал, что я в городе. Эти типы варятся в своем тесном мирке – возможно, услышал от продавца магического сборника.

Официант принес еще одну бутылку вина и десерт: мороженое из фисташек и розовых лепестков, ванильно-апельсиновые меренги и тарелку миниатюрных конфет из черного и белого шоколада с необычными вкусами – фиалка, пекан и цветы лимона.

– «Эти типы»?.. – переспросила я.

– Люди, готовые тратить миллионы долларов на оккультные книги, – пояснил Синглтон. – Их не больше десятка, и они вечно гоняются за одними и теми же изданиями. Да еще и регулярно применяют друг против друга черную магию. Это кажется грязным и нелепым – пока не вспомнишь, что речь идет о самых богатых и влиятельных людях планеты...

И вот звонит тот музыкант и начинает ныть, что ему позарез нужен переводчик с латыни. Которой я, по его сведениям, неплохо владею. Поскольку в прошлом году он купил книг на полмиллиона долларов, причем большую часть – через меня, я согласился помочь. К тому же он мне нравился. Да и сейчас нравится.

Прихожу я, значит, к нему в гостиничный номер и вижу... Думаю, вы и сами можете представить, что именно – достаточно продолжить ассоциативный ряд: «музыкант», «пентхаус»... Пустые бутылки из-под шампанского, упаковки из-под лекарств, груды тарелок с объедками, разбросанные повсюду вещи и гитары. Восхитительный беспорядок! Парень жил там

уже несколько недель. Помимо музыки он серьезно изучает оккультные науки: не как дилетант, интересующийся сатанинскими обрядами и жертвоприношениями, а как настоящий ученый. И применяет полученные знания на практике. Считает, что обязан своим успехом некой темной сущности. По всему номеру валяются книги – вперемешку старые и новые, совсем древние в кожаных переплетах и дешевые в бумажных обложках.

Мы сидим в гостиной. Ему удалось где-то раздобыть экземпляр «Книги о бесценной субстанции» с примерным переводом – вот только это не дало никаких результатов. Поэтому он и просил меня сделать новый перевод. Я согласился – и сразу нашел ошибку.

– Погоди-ка, – прервал его Лукас. – Какую ошибку? Какие результаты? О чем вообще речь?

Синглтон улыбнулся и поднял бутылку – она вновь оказалась пустой.

– Бренди? – предложил он.

– Если только чуть-чуть, – согласился Лукас. – Совсем капельку. Выбери по своему вкусу.

– Хорошо, но тогда оплачивать счет точно буду я, потому что выберу самый лучший и дорогой.

Поспорив еще немного по поводу оплаты, они сделали заказ, официант принес напитки, и Синглтон продолжил:

– Эта книга – самый действенный и подробный гримуар, основанный на сексе. Читателю предлагается совершить пять ритуалов, каждому из которых соответствует одна из пяти жидкостей человеческого тела, а также особый символ и слово. Чернокнижники – мастера выражать свои мысли на письме. Хобби у них такое. Наряду с лицедейством... Но вернемся в гостиничный номер...

– Подождите, – перебила я. – Давайте лучше вернемся к книге: в чем именно заключаются ритуалы?

– Я успел прочесть только первые три главы. Дело в том, что... стоит оказаться рядом с книгой, как начинают происходить странные вещи. Не удивлюсь, если даже мысли о ней способны вызывать определенные события.

– Например, какие?

– Разные, – уклончиво ответил Синглтон. – Итак, первая глава – о поте. Чтобы привести в действие заклинание, требуются мужчина и женщина, а также выделяемые их телами жидкости. Обоим участникам процесса нужно сосредоточиться на своем заветном желании. Затем произнести магическое слово для первого этапа – вслух или про себя – и отчетливо представить желаемое. Их тела, «разгоряченные от неудовлетворенной страсти» должны выработать пот. После чего каждый из двоих должен втереть заряженный сексуальной энергией пот в особый символ, нарисованный в книге, и произнести заклинание. Вот в чем суть первого ритуала. Требуется продолжать практику, пока «не откроются врата».

– Что это значит? – спросила я. – Какие еще «врата»?

На лице Синглтона появилась сальная улыбочка.

– Сами поймете. Когда будете готовы к следующему этапу: «Влага женского возбуждения».

Только по прошествии времени я осознала, что Лео тогда обращался именно ко мне. Но в тот момент, в ресторане, мне казалось, что это всего лишь общие слова, которые могут относиться к кому угодно. Однако теперь я уверена: он имел в виду именно *меня*. Как будто заранее знал, что мы с Лукасом найдем рукопись и выполним магические ритуалы. Словно все уже было вписано в книгу судеб и Синглтон лишь зачитывал ее вслух.

– Что конкретно нужно делать с жидкостями? – не понял Лукас.

– Скрепить печать.

– Скрепить печать? – переспросила я.

– Я это так называю, за неимением более точного определения. У вас есть слово, жидкость и изображенный символ – «печать». Иными словами, нужно «увлажнить печать».

Под тарелками на скатерти лежали листы бумаги, усыпанные крошками и покрытые винными пятнами. Лео достал из кармана ручку и нарисовал странный, незамысловатый на вид символ. Сколько я ни вглядывалась, мне никак не удавалось его разобрать. Что-то вроде звезды, которая таинственным образом постоянно двигалась, из-за чего я так и не смогла сосчитать число лучей. Возможно, алкоголь затуманил мне сознание. Под рисунком Синглтон написал слово. С ним тоже творилось что-то неладное: стоило отвести взгляд – и оно тут же вылетало из головы. Язык выглядел необычно – подозреваю, такого и вовсе не существовало, – однако написать и произнести слово не составляло труда. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Правда, мой мозг упорно отказывался работать – это я тоже списала на действие алкоголя.

– Забавно, – произнес Лео. – Проведя столько дней с книгой, я больше ничего не могу вспомнить. Она умеет ускользать.

– В каком смысле? – удивился Лукас.

– Сам увидишь. – Синглтон не стал вдаваться в подробности. – В общем, чтобы скрепить печать, вы оба должны нанести на нее каплю жидкости. Таким образом вы ее будто «кормите». Наделяете властью. Книга не только дает власть, но и забирает. Активируя печати, вы получаете возможность пользоваться их могуществом, однако они, в свою очередь, питаются вашими силами.

– А что идет после пота? – спросила я.

Лео Синглтон улыбнулся.

– «Нектар женщины» и «живительное семя мужчины». Потом наступает черед жидкости, о которой не каждому известно. Зилл назвал ее «бесценная субстанция». Лишь один мужчина из тысячи способен помочь женщине ее выработать. И только одна женщина из ста тысяч может ее произвести.

– Что это за жидкость?

– Насколько я помню, в книге она описывается так: «Когда наслаждение женщины достигнет пика, из тела ее извергнется волна, мощная и неудержимая, и в то же время сладостная».

Я слышала о таком явлении и о способах, помогающих его вызвать. Хотя мне не доводилось испытывать ничего подобного. Когда-то у нас с Эйбелом был потрясающий секс – лучшего и желать невозможно, – однако меня ни разу не накрывала «мощная и неудержимая волна».

– Кстати, моя бывшая жена... – Лукас замаялся. – В общем, у меня есть некоторый опыт.

– Уважаю! – Синглтон хмыкнул. – Но вернемся к нашей истории. Я провел в гостиничном пентхаусе весь день и сделал подстрочник двух первых глав. На это у меня ушло часов десять. Мой латинский небезупречен: основы я помнил, а за деталями обращался к онлайн-словарям – благо ноутбук был со мной. И вот я перевожу, между делом мы заказываем в номер еду и ведем беседы о магии. Музыкант в нетерпении меряет шагами комнату. Часа через три из спальни выходит прекраснейшая женщина в футболке и крошечных трусиках. Поначалу она даже не удостоила меня взглядом, пока не поняла, что я перевожу ту самую книгу. Потом мы с ней долго обсуждали карецу¹⁹ – еще одну форму секс-магии. Красотка оказалась очень знающей и начитанной собеседницей – по-моему, она тогда училась в аспирантуре.

Через десять часов я иду домой спать, а наутро возвращаюсь в гостиницу. Очевидно, за ночь парочка успела выполнить два первых задания. Причем каждый преследовал свою цель – извините, раскрывать подробности я не вправе. Могу лишь сказать, что он хотел получить

¹⁹ Карецца – одна из форм полового сношения, при которой мужчина старается не эякулировать, а как можно дольше остается в возвышенной фазе совокупления, без наступления оргазма и без эякуляции.

кое-что материальное, а ее желание было глубоко личным. Вряд ли у них получилось бы дойти до конца: все-таки магия работает гораздо лучше, когда партнеров объединяет общее намерение... Я перевел еще одну главу, они с успехом проделали всё на практике в ту же ночь. А потом дошли до четвертого этапа – «бесценной субстанции». Не хочу хвастаться, но у меня почти всегда получалось привести женщин в нужное состояние. Некоторые из них достигали этого гораздо легче, чем другие. Хотя, по большому счету, ничего сложного здесь нет.

* * *

В воображении тут же промелькнули эротичные картинки с Синглтоном, «работающим» над четвертой главой.

– Однако у этих двоих не вышло, – продолжал он рассказ. – Три дня коту под хвост! Они бесконечно ссорились и пробовали найти решение, но так и не добились нужного результата. От отчаяния клиент даже обратился за помощью ко мне. Партнерша не возражала.

– Вы согласились? – спросила я.

– К сожалению, мне нужно было возвращаться в Лондон. Совместные занятия магией неизбежно рождает привязанность. Вступать с ним в более тесную связь я не особо хотел. А вот с ней... Увы, не сложилось.

Синглтон моргнул; на его лице застыло мечтательное выражение. Уверена, что он не стал бы хвастаться своими талантами, если б и в самом деле не был так хорош.

– И как? Сработало?

– Нет. Четвертый этап остался незавершенным. Возможно, они получили бы желаемое, если б им удалось добыть «бесценную субстанцию». Как знать... Это вопрос веры – а я не теолог, а всего лишь букинист с необычными увлечениями. Говорят, сейчас «Франкфуртская копия» принадлежит какому-то европейскому медиамагнату. Мой клиент продал ему книгу вскоре после нашей встречи.

Просидев за столом три часа, мы порядком утомились. Синглтон ухитрился незаметно для нас оплатить счет, и Лукас пообещал угостить его в следующий раз.

Холодный воздух приятно освежал разгоряченное лицо. Благодаря изысканным блюдам, алкоголю и компании двух умных привлекательных мужчин город стал будто дружелюбнее, огни – ярче, а грязная слякоть под ногами казалась белым снегом. Это был лучший ужин за долгие годы, и я искренне поблагодарила Синглтона за угощение.

– Всегда рад, – сказал он, пожимая мне руку. – Теперь я знаю, что вы не только невероятно талантливый писатель, но и прекрасный человек. Если вам когда-нибудь понадобится моя помощь – сделаю все, что смогу.

Мне вдруг захотелось обнять его на прощание. Он обхватил мою талию теплой рукой и слегка прижался к щеке. В мозгу вновь промелькнула эротичная картинка: игриво улыбаясь, Лео «добывает» бесценную субстанцию.

Наконец, еще раз поблагодарив Синглтона и пожелав ему спокойной ночи, мы расстались. Он пошел налево. А мы с Лукасом собирались было пойти направо, как вдруг Лео обернулся и сказал:

– Да. Это работает!

– Что? – не понял Лукас.

– Магия. Отвечаю на ваш недавний вопрос. Извините, я немного пьян... Правда, загвоздка в том, что она никогда не работает так, как тебе хочется. Многие думают, что с помощью темных сил можно завоевать любовь и жить потом долго и счастливо. А вот и нет! Мы не хозяева своей судьбы и зависим от воли бога, провидения, слепой удачи. Да, магия работает, но может сыграть с нами злую шутку – иногда смертельно опасную. Будьте осторожны!

Ссутулившись и подняв воротник, Лео зашагал прочь нетвердой походкой. Я смотрела ему вслед, пока он не завернул за угол.

Мы с Лукасом переглянулись. Лицо его выражало любопытство, энтузиазм и что-то еще – о чем я так давно не вспоминала, что не сразу смогла распознать.

– Пойдем, – сказал он. – Провожу тебя до гостиницы.

Мы брели по холодным нью-йоркским улицам, то и дело сталкиваясь и будто невзначай задевая друг друга локтями. От каждого прикосновения по телу разливалось тепло.

Я чувствовала, что ступаю на опасную почву. Нужно было остановиться. Я *хотела* остановиться. И в то же время знала, что не сделаю этого. Словно после многолетнего голодания увидела перед собой спелое, сочное яблоко – только руку протяни.

– Что думаешь? – спросил Лукас.

– Думаю, мы сможем ее найти.

Он остановился, крепко взял меня за руку и развернул к себе. На его лице снова появилось то самое выражение.

– Я не об этом. Что ты думаешь о нас?

Затем он притянул меня ближе, нежно и решительно взял в ладони мое лицо и поцеловал. Я так давно не чувствовала прикосновение чьих-то губ, будто и не целовалась никогда: ощущение казалось совершенно незнакомым, странным и волнующим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.